

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА
"СЕВЕРНАЯ АЗИЯ"

9(с)8)
147

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

ТАННУ—ТУВА

Страна голубой реки.

МОСКВА
1927 г.

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА «СЕВЕРНАЯ АЗИЯ».

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

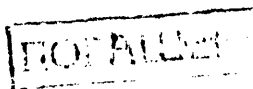
ТАННУ—ТУВА

СТРАНА ГОЛУБОЙ РЕКИ

Из-во Об-ва ПОЛИТКАТОРЖАН
МОСКВА

1927 г.

Главлит № 89.469 26 мая 1927 г. Заказ № 1115. Тираж 5.000 экз.
Рязгостиполитография, Совплощадь.

173

Гр 2/196

Где находится страна голубой реки.

Я буду рассказывать вам о стране голубой реки. Я потому ее так назвал, что самое прекрасное в этой стране— голубая река. Не подумайте, что буду рассказывать о китайском Ян-тсе-кианге. Ян-тсе-кианг называют Голубой Рекой. Но я никогда не видал Ян-тсе-кианга и ничего не могу о нем рассказать. Я буду рассказывать о другой, очень мало известной стране. Голубой рекой я называю верхнее течение Енисея. А страной Голубой реки— республику Танну-Тува. Вам нетрудно будет на карте Азии отыскать эту страну. Проведите две линии— с запада на восток и с юга на север таким образом, чтобы линии эти пересекли друг друга по самой середине. Точка пересечения этих двух линий окажется в котловине верхнего Енисея. Танну-Тува лежит в самом центре великого азиатского материка.

Какой-то чудак-англичанин, побуждаемый задорным инстинктом спортсмена, уже побывавший к тому времени в центрах трех материков, в четвертую очередь отправился к центру Азии. По его вычислениям, центр Азии должен находиться на берегах голубой реки. В местечке Салдам он попросил разрешения у владельца фактории, Г. П. Сафьянова, поставить в его огороде особый знак. Просьбу англичанина исполнить было нетрудно. Среди морковной ботвы был водружен столб с надписью „Центр Азии“. Под огородом мчит свои стремительные воды Енисей — голубая река. Об этой стране, занимающей котловину верхнего Енисея, я и буду рассказывать в моей книжке.

Прежде эту страну называли Урянхайским краем. Слово это придумано китайцами, которые, как известно, любят называть всех по-своему. Маленькому народу, населяющему страну голубой реки, китайцы дали презрительную кличку— урянхи. Им и дела не было, что сами-то себя жители котловины верхнего Енисея называли тувинцами, танну-тувинцами, тува-кижи. Китайское презрение к маленькой стране родилось от... сознания тех почти непреодолимых для китайского государства трудностей, которые были связаны с управлением далеким маленьким народом. Огромные пространства монгольских степей парализовали империалистические устремления пекинского правительства. Ну, а если не хватало сил

укрепить свое могущество над отдаленной страной, то не проще ли было презрительно уверять в том, что страна эта дика и не заслуживает просвещенного внимания великой азиатской державы? Чтобы скрыть свое бессилие, а может быть, и невежество, высокопоставленный дзянь-дзюнь Чен-Чун-Чжаб доносил китайскому правительству: „Вновь покоренные урянхи похожи на зверей в горах и рыб в реках“; а самоуверенные китайские политики отсюда делали такой вывод: „Дикий народ только и возможно оставить на произвол судьбы, а не обуздать законами... Если дать волю его природе, то не надобно будет хлопотать о предосторожностях, и тем самым сберегутся военные расходы.“ „О, какое великое выражение!“—воскликает по адресу Чен-Чун-Чжаба восторженный историк:—„вот способ управления в продолжение сотен веков отдаленными народами!“

Возможно, что такому отношению китайцев к Урянхаю способствовала военная неудача.

Один из таких неудачных набегов китайцев в страну Верхнего Енисея нашел отражение в туземной легенде.

...Словно тучи повисли над привольной степью. Тьмой и холодом вело с величавых хребтов Танну-Ола. Желтый враг шел вперед, сея смерть и разорение. Кровавые озера стояли на местах ночных стоянок. Награбленное добро везли тысячи верблюдов. По зеленым степям черный след ложился за ними. Разбежался народ, бросая стада и родные улусы. Без успеха пытались врагов задержать смельчаки.

...И вот зачернелись зубчатые стены утесов Джарги. Там в ущельях китайцы найдут сокровища, скрытые в скалах. Но у самой цели враги задержались неодолимой преградой. Величаво катилась большая река—Улу-Хем.

В изумлении стали пришельцы— путь наступающим отрезан...

Так сказка народная (эта сказка полностью напечатана в очерке И. Г. Сафьянова „Прошлое и настоящее Сайотин“, Минусинск 1915) рассказывает о кочевом тувинском народе, спасенном голубой рекой.

Долгое время жители верхнего Енисея и Кемчика оставались для китайцев „отдаленными“, „дикими“ племенами— „урянхами“. Но если китайский историк глубокомысленно предвидел, что „все же лучше оставить урянхайцев на произвол судьбы на сотни веков“, то китайские купцы думали иначе. Влекла их к урянхам возможность легкой наживы.

Наибольший интерес к Урянхаю со стороны китайских купцов проявился во второй половине XIX века. Совпало это со временем проникновения в Урянхай купцов и промышленников из России. До 1912 года китайские купцы

одерживали верх. Но прогремела китайская революция. Сын неба — китайский император — вынужден был покинуть пекинский дворец. Не усидел на троне и хитрый Юань-Ши-Кай. Замешательство китайцев побудило царское правительство России энергично вмешаться в дела Урянхай. Страну голубой реки начали быстро колонизовать русскими крестьянами и промышленниками. Над Урянхаем был объявлен протекторат России. Но прошло еще пять лет, и русский император — Батор-Цаган-Хаан — был свержен с престола. Русская революция провозгласила принцип самоопределения народов. Страна голубой реки сделалась самостоятельной Танну-Тувинской республикой.

2. Пути в эту страну.

Всмотритесь внимательнее в карту Танну-Тувинской республики, вытянутой с запада на восток. Вся котловина верхнего Енисея заключена в тесное обрамление двух хребтов: Саян на севере и Танну-Ола на юге. Оба эти хребта выходят из одного горного узла на западе, затем расходятся, образуя Танну-Тувинскую котловину, а на востоке этой котловины, разветвляясь на многочисленные горные цепи, снова сближаются своими отрогами и образуют высокогорную страну.

Но и центральную часть Урянхайской котловины не следует представлять себе страной равнинной. И Саяны, и Танну-Ола ответвляют большое количество отрогов, заполняющих котловину. Гористая страна лишь прорезана речными долинами, из которых наибольшей ширины достигает долина Енисея — голубой реки. К долине Енисея подходят значительно более узкие долины его притоков. Все же остальное пространство заполнено более или менее значительными возвышенностями.

Гористый характер страны является причиной того, что котловина Верхнего Енисея с притоками, несмотря на весьма значительную общую площадь (до 150.000 кв. километров), не открывает широких возможностей для колонизации. Танну-Тува — это дом с необычайно толстыми наружными стенами и внутренними перегородками. Жилая площадь его весьма невелика (в отношении колонизационно-земледельческом).

Наметим маршрут нашего путешествия по стране голубой реки.

Нам следует прежде всего выбрать одну из трех ведущих из Минусинска в Урянхай дорог, а затем предпринять

путешествие на плотах по Енисею, собравшись с направлением естественных путей сообщения, т. е. урянхайской речной системы. Недаром этот путь выбирало большинство путешественников по Урянхаю.

Три тропы ведут из нашего Союза в Урянхайскую землю. Западная (Кемчикская) тропы стала известной русским служилым людям, проникшим еще в первой четверти XVII века в страну Алтын-Хана, монгольского владельца.

Ехали они от Томска долинами Кии, Черного и Белого Юсов, Уйбатом и Абаканом до подножия Саян, а через Саянские горы верховую тропой долиною Чен а г а ш а (р. Чистые броды), перевалили через хребет Сабино в Кантегир (Кантери) и далее в долину стремительного Кемчика, а там была ставка Алтын-Хана, монгольского владельца.

Вторую тропу, „мирскую“, проложили староверы. Тропа эта долгое время служила главным путем из „мира“ в засаянские земли, но ныне, с проведением Усинской колесной дороги, тропы эта заброшена.

Начиналась эта тропы от д. Григорьевки, закинутой в зеленых предгорьях Саян в долине Кибежа, одним из левых притоков которого приводила к первому подъему на Кулумысский хребет. С Кулумыса тропы спускалась в долину Малой Ои, представляющую в июне месяце сплошной цветник альпийской растительности, у подножия зубчатого каменистого Ойского гребня. За Ойским гребнем лежит более глубокая долина Большой Ои, вытекающей из горного Ойского озера. Этим же путем до большой Ои идет и Усинская колесная дорога (шоссе). Но отсюда (от Б. Ои) мирская тропы уходила вправо, спускаясь в долину бешеного Казырсука, поднималась на Марков хребет, на Арадан (до 8000 футов), забираясь выше полосы лесов. Вершина Арадана в летнее время пестрит пятнами лилового бархата альпийской фиалки, розового бодана, бледно-желтыми азами (кашкаррой). За Араданом, в долине Тепсея, окрестные сопки возвышаются, словно огромные безжизненные муравейники. Лес на сопках обгорел, стволы погибших деревьев повалились. Такие пожарища захватывают по Тепселю десятки тысяч десятин. Последняя стена, отделявшая бежавших от мира раскольников, — Мирской хребет; за ним речкой Мирскою тропы доводила до Усинского селения.

Усинская шоссейная дорога из долины Б. Ои уходит к востоку, к основному перевалу Буйбинскому (где узлом сходятся вышеупомянутые цепи Ойского, Маркова, Араданского и Мирского хребтов), спускается в долину буйной

Буйбы, правого притока р. Уса; три раза перебрасываясь с берега на берег, дорога выходит к с. Усинскому.

Это русское поселение за Саянами в долине Уса возникло в первой половине XIX века. Первые засельники-старообрядцы жили плотно спаянной общиной, во главе с руководителем Иваном Афанасьевичем, предание о жестокой самовластности которого живо до сих пор. Вскоре вслед за первыми поселенцами проникают сюда купцы и золотопромышленники. В 70-х годах здесь ведутся крупные разработки золота по р. Куртучикему-Золотой и Серлику (Или-кему). Многие тувинцы, живущие в этом районе, владеют русским языком и переняли умение добывать золото лотками.

Третью тропу, восточную, проторили промышленники-охотники за соболем и золотом. С приисков Амыльской системы (Минусинск. у. Кужебарской волости) потянулись они в заповедную тайгу и перевалили через хребет, дающий начало золотоносным Алгиякам, принадлежащим уже р. системе Бейкема, правой вершины Енисея.

Для описания я выберу такой маршрут: из Минусинска отправиться на Каратуз, Кужебар и далее по самой восточной тропе—Амыльской.*) Перевалив Саяны, мы попадем в долину Систыкема. Систыкемом выйдем к Большому Енисею (Бей-Кему). Бей-Кем орошает северо-восточную часть Тану-Тувы, так называемый Тоджинский район.

Ознакомившись с Тоджей, мы сделаем плот и спустимся по Бей-кему до г. Красного (Хембельдыра). Здесь мы сделаем остановку, чтобы познакомиться с районом Малого Енисея (Ха-Кема). Затем опять сядем на плот и сплывем через центральную часть края до Чакуля. От Чакуля совершим путешествие в долину Кемчика, вернемся на Чакуль и снова на плотах по Енисею доберемся до Минусинска.

3. В Тоджинском районе.

Сквозь тайгу, густым покровом одевающую Саянские горы, лежит наш путь. Уже в предгорьях мы попадаем в большие леса смешанного характера. Нам попадаются огромные осиновое рощи, где стволы осин стройными колоннами поддеживают зеленую кровлю и тучная земля покрыта травами выше человеческого роста. Папоротники, узколистные и широколистные, дельфиниумы и огромные зонтичные с белыми цветами—пучки (ангелики)—являют вид буйной, неудержимо поднимающейся растительности. Кое-где пестреют доцветающие

---

*) В настоящее время Амыльская тропа закрыта для проезда.

малиновые Марьины коренья (лесные пионы). На смену осиновым лесам приходят леса пихтово-березовые, пихтово-осиновые, и, наконец, по мере того, как мы начинаем подниматься все выше и выше в горы, лес становится темнее, строже, однообразнее. В хвойной тайге травянистый покров резко меняет свой характер: здесь травы значительно ниже и большей частью состоят из зарослей ягодных—черники да брусники. Выше травянистый покров становится еще более скудным, нередко почва целиком затягивается коврами нежно-окрашенных мхов. Мягкая, душистая пихта остается внизу, и на смену ей высятся стройные мрачные ели, а еще выше—кедры, слегка взлохмаченные, но всегда могучие и такие своеобразные в своем облике.

На перевалах пестреют всевозможными цветами пышные луга. Водосборы (аквилегии), жаркие (троллиусы), а еще выше альпийская фиалка и бодан устилают землю таким ковром, что, кажется, глаз никогда не перестанет им любоваться.

... Сляны. Тайга.

В небе тонут и тают вершины.

На вершинах—снега.

В темной хвое синеют долины.

Спуск. Подъем. Перевал.

На вершине ковры из горящих цветов.

Вздыблен каменный вал

Белой пеной покрытых зубчатых хребтов.

Не колышет.

Извивается в чаще мой путь.

Жадно дышит

Истомленная городом грудь.

Путь длится четыре—пять дней. На пути никого не встретишь. Только следы огромного медведя, которых здесь водится немало, запечатлены на узенькой тропе, да на расвете пролает в соседнем ключе дикий козел.

Осенью и ранней весной в этих местах можно было бы встретить охотников за соболем, за белкой. А теперь никого, разве только случайные путники.

Здесь же в тайге и ночевки. Иной раз—в избушке с выломанной на дрова стенкой, а то и прямо под кедром.

... Вот и ночлег. Взлохмаченные кедры,

Ковры цветов—фиалка и бодан,

И яркость огоньков, и кротость генциан.

Шелками вышиты цветы подножий щедро.

А завтра снова путь!...

Все выше и выше уводит нас тропа на альпийский горный узел, откуда стекают в разные стороны реки - Амыл, Ус, Казырь-Сук, Ут и др.

Наконец, пер. Алгияк (1.162 метра над уровнем моря), тропа превращается из Амыла в Сисыкем. Перевалив, мы оказываемся за Саянами, в бассейне верхнего Енисея, в пределах Ташну-Тувинской республики, соседящей с полупустынной Монголией. Но перейденную грань мы еще не ощущаем, так как долина Сисыкема, а так же и соседней Хамсары представляют собой тоже горно-таежную страну с широкими луговыми долинами рек, как и предгорья Саян северного склона. Недостаток тепла (благодаря высокому положению края над уровнем моря--2500 - 3000") и чрезмерное обилие влаги, которая насыщает мхи и луговые заросли, вызывает здесь ранние заморозки (иней бывает в августе). Земледелие здесь почти невозможно, разве только впоследствии, с ростом колонизации, с расчисткой тайги, с сокращением лесной площади в Тоджинском районе станет суше, и почва прогреется. А пока здесь возможны лишь какие-то иные формы хозяйства, но не земледелие.

Долиною Сисыкема мы спустимся до Большого Енисея (Бей-кема) и, пользуясь нашими верховыми лошадьми, отправимся вверх по Енисею до Хамсары и Дорохема с тем, чтобы познакомиться, как живут туземные обитатели северо-восточного района, так называемой Тоджи или Тоджинского хошуна. От населения других хошунов (округов) Ташну-Тувинской республики население Тоджи отличается более укладом хозяйственной жизни, нежели бытовыми или антропологическими особенностями. Поэтому мы не станем куда-то занимать внимание читателя описанием бытовой стороны, а остановимся лишь на описании хозяйственного уклада тоджинских сойотов (тувинцев), отметив, что по управлению они составляют один Тоджинский хошун, насчитывающий до 4000 жителей.

На подтаежных лесных полянах мы увидим остроколенные „алачики“ (шалашы) тоджинских тувинцев, покрытые берестой или шкурами. А невдалеке от стойбища увидим стада северных оленей, которые служат тоджинским оленеводам источником существования.

Войдем в такой „алачик“, и мы увидим, что вся жизнь тоджинца-оленевода тесно связана со стадом оленей, молоко и мясо которых идет в пищу, а шкуры на выделку одежды и обуви, а также с тайгой, которая дает дерево для поделок, а главное, дает убежище пушным и прочим животным,

охота за которыми составляет едва ли не главное занятие тоджинца.

Очень часто путешественника поражает живописность таких стойбищ. Широкая поляна, покрытая роскошной луговой растительностью, обставленная рощами стройных лиственниц, обычно служит местом постановки нескольких (от 2 до 7) берестяных юрт. Перекочевки с места на место не только дают тувицам свежие корма для стад, но и предохраняют место стойбищ от загрязнения.

На подтаежных ягельниках (а там, где нет ягеля, олени едят и бородатый лишай,*) бледные, зеленые космы которого в изобилии свисают с еловых веток), а также на луговых приозерных котловинах будут встречаться нам стойбища оленеводов. Для тех, кто знает лапландского оленя, олень саянской расы покажется животным более рослым и более крепким. Недаром специалисты-олeneводы считают, что в саянской расе оленей „мы имеем драгоценное племенное животное.“

Не только по росту и весу, но и по силе своей саянский олень превосходит своего северного сородича. Сточки зрения улучшения породы оленей, саянский олень представляет собою весьма интересную разновидность. На саянском олене ездят верхом по горной тайге. Тоджинец-охотник, имеющий в своем распоряжении оленье стадо, седлает оленя, как лошадь, и преспокойно отправляется в горные дебри.

В Тоджинском районе охотники-туземцы промышляют соболя, белку в тайге и выдру у озер. Соболиные промысловые угодья разбиваются между туземцами на участки по родам. Каждый род обычно пользуется своим участком с незапамятных времен. Только в том случае, если родовой участок окажется лишенным зверя, членам данного рода разрешено бывает переменить родовой участок на один из запасных общественных участков. Надо отметить, что тоджинцы, исключительная честность которых отмечается всеми путешественниками, свято соблюдают правила охоты. В Тоджинском районе имеются два священных участка-заповедника, где запрещена охота.

Границы священных заповедников отмечены особыми деревьями, увешанными разноцветными ленточками. Ленточки эти—жертвы духам, обитающим в этих местах. Как ни малы эти туземные заповедники, но они все же содействуют сохранению ценного зверя от полного истребления.

---

*) Usnea

К чести охотника-тоджинца следует также отнести строгое соблюдение им запретных сроков охоты. Соболиная охота ведется тоджинцами лишь с октября до второй половины ноября. Русские промышленники и охотники, туземцы других хошунов, истребляют соболя обычно во время течки („гоньбы“), убивая не только взрослых самок, но губя, таким образом, и весь будущий приплод. Кроме соболя, тоджинцы охотятся за белкой, выдрой, росомахой и другим пушным зверем.

Кроме пушных зверей, тоджинцы охотятся также за маралами, сохатыми и дикими козлами. Особенно привлекательна охота на марала летом, когда голова животного украшена молодыми, напитанными кровью рогами. Рога эти в высшей степени ценятся китайцами, которые употребляют их для изготовления лекарств.

Высокая ценность маральных рогов вызвала к жизни у предприимчивых русских колонистов Тоджи особый род животноводства — разведение маралов. Пойманные живыми, маралы помещаются в особые загоны, огороженные участки лесных полян с протекающим ручьем, и там плодятся. Хозяин маральника заготавливает для них сено на время бескормицы, и марал легко уживается в маральниках. В июне маралам срезают рога. Промысел этот распространен был не только на Тодже, но и в других подтаежных районах Усинско-Урянхайского края.

Кроме оленеводов и охотников, мы сможем встретить на Тодже также туземцев, разводящих и рогатый скот, но главнейшие скотоводческие районы Танну-Тувы лежат к юго-западу от Тоджи, куда мы направимся на плотах.

А покуда мельком взглянем на то, как живут русские колонисты на Тодже. Численность русского населения на Тодже не велика — не более 600 человек; населенных пунктов 37, а дворов в них 125. Из этих цифр видно, что тоджинские русские поселения носят характер заимок, или, вернее, торговых факторий. Пашни на Тодже в 1918 году насчитывалось всего лишь 53 десятины, хотя в отличие от других районов Танну-Тувы посевы на Тодже и не требуют искусственного орошения.

Из приведенных цифр явствует, что не земледелие привлекает сюда русских поселенцев. Более значительно развито здесь животноводство.

На 250 русских жителей Тоджи в 1918 году приходилось лошадей—1661, крупного рогатого скота (с телятами)—1333, овец и коз—384, маралов—105 голов.

Сенокосы тоджинцев - колонистов занимают около 1000 десятин.

Промышляли русские на Тодже также охотой и рыболовством. Озера и реки Тоджи богаты рыбой. Туземцы рыбной ловлей занимаются неумело и неохотно. Наиболее богатые рыбой озера являются озерами священными, запретными для промысла. Русские же добывают ежегодно до 3000 пудов рыбы, преимущественно по р. Хамсаре.

Но в Тоджинском районе есть такие природные богатства, которые еще много заставят говорить о себе.

Ту Амыльскую тропу, которую мы избрали началом своего маршрута на Танну-Туве, проторили золотопромышленники. Еще в 1838 г. золотоискательские партии с Амыла проникли в верховья р. Систыкема. Разработка золотых приисков на р.р. Б. и М. Алгиякам, притокам Систыкема, началась с 40-х годов и уже отсюда распространилась по р.р. Уту, Темерсуку, Серлику, Чинге. Таким образом, в прежнее время система правых притоков Бейкема представляла собою оживленный золотодобывающий район, давший сотни пудов золота. Но и в настоящее время в отношении золотой промышленности Тоджинский район представляет собой исключительный интерес.

Речь идет уже не о правых притоках Бейкема, -- Алгияках, а о левом его притоке -- Харале. В наши дни это единственный район в Танну-Туве, где добывается золото. Харальский район особенно загредел с 1925 г. Первые годы после революции шла здесь лишь мелкая работа старателей, промывавших старые приисковые отвалы. Летом же 1925 года были открыты здесь сперва „богатый увал“, а затем „сумасшедший ключ“.

Кореец-старатель, выбивая пробный шурф, взял с куба земли фунт золота. Другие артели сразу бросились к „сумасшедшему“ богатству увала. А когда стало тесно на увале, то обратили внимание на маленький ключ, впадающий между „богатым“ и „сумасшедшим“ увалами. Берега ключика были покрыты кедровым лесом и толстым слоем мха. Начали работу в долинке ключика. Среднее содержание золотосодержащих песков оказалось в 38 золотников на куб вынутой земли. За лето в ключике двести человек добыли не менее 20 пудов золота, а Харал в целом дал за лето не менее 30 пудов. Один из очевидцев рассказывает, что на его глазах артель из 6 человек за 7 часов работы с 90 маленьких тачек „песку“ сняла 180 золотников золота, что составляет 2 золотника на тачку. Таковы богатства Танну-тувинского

Алдана. Но и до сих пор на Харале попадают только маленькие артели старателей, и изрытый ими участок представляет собой лишь ничтожную часть общей золотоносной площади Харала и его притоков. Главное богатство лежит под мхом и корнями кедров, и особенно по руслу самого Харала. При установлении гидравлического способа обработки и просто при ручных работах правильным разрезом, ежегодную добычу золота, с тем же количеством людей, можно увеличить в несколько раз. (М. Г. Сафьянов *).

Таковы перспективы ближайшего будущего Тоджинского района. В этом отношении он представляет большой интерес и для Ташу-Тувы, и для СССР.

4. Вниз по Бей-кему.

Но пора покидать нам горные дебри Тоджи, таящей в своих недрах огромные запасы золота, а своими сенокосными угодьями могущей дать животноводческую базу для снабжения золотых приисков мясом. Оставим добродушных тоджинских оленеводов и охотников за драгоценным соболем, белкой и росомахой и направим путь наш на юго-запад, по течению Бей-кема.

Берега Хамсары, Бей-кема и других сплавных рек северо-восточного района Ташу-Тувы поросли прекрасным строевым лесом. Недаром отсюда в летнее время гонят сплавники плот за плотом, древесины которых идет на постройки и которые вместе с тем служат наиболее дешевым транспортом для вывоза в Минусинск ташу-тувинской рыбы, кож, шерсти и других продуктов, скотоводческих по преимуществу.

Делаем плот. Рубить деревья приходится на горах и спускать напрямки по откосу или же подвозить к берегу на лошадях. Нилучший материал для плота дает сосна или кедр. Ель тяжела, а лиственница и совсем не годится. Для связывания бревен рубим черемуховые стволы. Прежде чем пустить их в дело, разогреваем черемуховые вязки над костром и закрепляем ими бревна к роузам. Посредине плота — подобие сруба, называемого здесь „балаганом“. Без балагана подмочит в порогах всю поклажу, а в Большом пороге и всем гребцам придется взобраться на балаган, чтобы не смыло волной.

Когда плот готов и погрузка закончена, отчаливаем.

Плывем по Бей-кему. То-и-дело попадаются широкие приречные займища, покрытые прекрасными сосновыми бо-

*) „Сев. Азия“—за 1926 г. № 5—6, стр. 30.

рами или рощами лиственницы, господство которой так явственно замечается к югу от Саян. Лиственница наиболее распространенное дерево Ташу-Тувы. Лиственничные деревья достигают здесь огромной величины.

Горы то отходят на довольно значительное расстояние от берегов, то сжимают реку в теснинах. Горы эти от Хамсары до Ута сложены из тех же красноватых и желтых песчаников,*) что и скалы над Енисеем на плесе Минусинск—Красноярск. Иной раз обрывы этих песчаников представляют собой чрезвычайно живописное подобие огромных стен, увенчанных башнями. В общем, пласты горных пород Верхнего Бей-кема залегают покойно и ровно, и только Утинский хребет (как севернее Саянский хребет) в какие-то отдаленные геологические эпохи прорвал толщу девонских песчаников, и изверженные породы образовали целую гряду гор. Гряда эта состоит из гранитов, сланцев и зеленого порфирита, обломки которого загромождают русло Бей-кема, образуя опасный Утинский порог. Порог этот весьма напугал английского путешественника Каррутерса, но он составляет вполне преодолимую преграду для русских сплавщиков-лоцманов.

После спуска на плоту через Утинский порог, попадаем в страну с каким-то иным климатом. Пейзаж быстро меняется. Воздух становится теплее и суше. Склоны гор приобретают степной характер. Лесом обычно прикрываются лишь северные, обращенные к Толже скаты, а южные—покрываются либо кустарником, либо сухой травянистой растительностью. Недаром говорят, что Урянхайская котловина, лежащая на 51°—54° с. ш., на абсолютной высоте до 600 м., „соединяет на небольшом пространстве очень резкие контрасты рельефа, растительности и климата. Покрытые россыпями камня угрюмые гольцы Саян и Сайлюгема; густая, часто заболоченная тайга; многочисленные озера, окаймленные пышными лугами; горные цепи, покрытые лесами наркового типа на северных склонах; широкие и сухие степные долины, привлекательные для скотовода и земледельца — все это уместается в котловине, где сибирская таежная природа соприкасается с монгольской степной, где обитают недалеко друг от друга—северный олень, соболь, медведь, сайга и дзерен“ (В. А. Обручев **).

Берега Бей-кема всюду, где есть приречные террасы, опушены порослью бальзамического тополя. Дерево это до-

---

*) Отложений Девонского периода.

***) „Новый Восток“ № 13-14 стр. 261.

стигает здесь иногда огромных размеров. Недаром из стволов тополя выдалбливают здесь лодки, которые могут поднимать до 15 человек и больше.

После Ута мы оказываемся в средней котловине Урянхайского края, длина которой должна быть исчислена верст в 200 (без Малого Енисея и Кемчика), а ширина верст в 100—150, от отрогов Саян до хребта Танну-Ола.

По берегам реки изредка встречаются жилища тувинцев, принадлежащих к хошуну Мады-Чюды. С плота можно видеть их улусы.

„Прогоняют табун. Заблеяли стада.
Пахнет горьким дымком и душистой полынью.
Облака в вышине громоздят города,
Потянуло со степи вечерней теплыню.
Над берестяной юртой завился дымок.
Расплескались по небу закатные краски“...

В берестяной юрте еще чувствуется близость к лесу, к убогому быту лесных тувинцев, но здесь уже не увидишь оленей. А с плота видно, как прогоняют табун лошадей, и в вечерней тишине громко блеют овечьи стада. Степь крепко пахнет полынью и горьковатым дымком приречного тальника.

Ниже Ута, где прорвавшиеся вулканические массы образовали ряд гранитных и сланцевых гор, береговые возвышенности над Бей-кемом вновь слагаются из красноватых девонских песчаников, иной раз живописно обрывающихся над самой рекой (устье Шевелика, устье Систерлика).

С правой стороны в Бей-кем вливается сонный Уюк. В долине Уюка и его притока Турана возникли первые русские поселения земледельческого типа. Там впервые восприимчивые туземцы столкнулись с русской земледельческой культурой, соприкоснулись с тем, чтобы воспринять от нее ряд орудий и навыков. За Уюком, с правой же стороны, впадает Бегреда. От устья Бегреды можно проследить выход каменных углей, простирающихся к юго-западу до устья Элегеста (см. ниже). За Бегредой, с левой стороны, показывается долина Тапсы. Горы отступают здесь от реки. Верст на 12 с плота ясно виднеется ущелье в горах, а по степи путь впадающей речки отмечен темной зарослью тополей.

Р. Тапсу следует нам отметить, как место, где в гостеприимном доме Г. П. Сафьянова находили не только приют и помощь, но и ценные указания многие и многие исследователи края.

Следует также сказать, что по одному из правых притоков Тасы — р. Карахему — находятся золотые прииски, на которых в 1913 году была установлена единственная в крае золотодобывающая драга (теперь не работает и, кажется, приведена в негодность).

В двадцати пяти верстах ниже устья Тасы Бей-кем сливается с Ха-кем, а при их слиянии на левом берегу Улухема (так называется река, образовавшаяся от слияния обеих указанных рек) находится административный центр края — г. Красный, или по-тувински — Хем-Бельдыр. Постройка города начата в 1913—14 г.

Я помню, как в эти годы в Красноярске и в Минусинске всюду были расклеены объявления, привлекавшие переселенцев в страну голубой реки. Звали землянцев, звали и мастеровой люд — „строить город“. Город порешили поставить на слиянии двух Енисеев — Большого и Малого. Надо отдать справедливость, место было выбрано удачно. Город этот назвали тогда Белоцарском, революционная же власть назвала его Красным, а танну-тувицы вернули ему имя местности, где он расположен, и назвали его Хем-Бельдыр, т. е. слияние рек.

Хем-Бельдыр расположен как бы на стыке трех зон — Млдь-Чудинского, Сальджакского (по Ха-кему) и Тесингольского (б. Ойнарского). К северу-востоку от Хем-Бельдыра уединенно расположен немногочисленный хошун Тоджинский, нам уже известный, а к западу от хошуна Тесингольского находится самый людный и богатый хошун Кемчикский. Там, в долинах Кемчика с пригоками Чакуля и Шагонара, кочует более половины всего туземного населения Танну-Тувы. Но несмотря на некоторую отдаленность от центра населенности, Хем-Бельдыр легко связывается с Кемчиком удобными путями сообщения — рекою и грунтовой дорогой, проложенной в долине Улухема (Енисей).

Хем-Бельдыр расположен в конечном пункте тракта Минусинск — Хем-Бельдыр, а со стороны Монголии к нему подходит ряд дорог, которые легко могут быть превращены в колесные, благодаря относительной легкости перевалов через хребет Танну-Ола. Игак, из Хем-Бельдыра, лежащего в восточной, менее населенной части края, во все стороны расходятся пуги — ближайший путь на Тоджу и Сальджак, легкий путь на Кемчик. Хем-Бельдыр лежит на стыке пугей из СССР в Танну-Туву и из Танну-Тувы в Монголию. В смысле речных путей географическое положение

Танну-тувинской столицы самое благоприятное — не даром это место еще в древности было названо слиянием рек.

Расположенный на плоской, невысокой приречной террасе левого берега, Хем-Бельдыр состоит из ряда домов, построенных еще царским правительством, в которых теперь помещаются различные учреждения маленькой засаянской республики. Часть этих учреждений помещается также в войлочных юртах. На берегу голубой реки, в какой-то причудливой близости сошлись две культуры — культура оседлого запада и кочевой Азии. Мы знаем множество примеров роковых столкновений народов цивилизованных и народов отсталых. Столкновения эти всегда приводили либо к уничтожению цивилизации „варварами“, либо к варварскому уничтожению малокультурных народов так называемой „цивилизацией“.

Но на берегах голубой реки степь и цивилизация сошлись иначе. Там никто никого не уничтожает. Евронеиские дома и войлочные юрты расположены не в отдаленных друг от друга лагерях, настороженных друг против друга. Войлочные юрты доверчиво перемешались с чуждыми им покуда постройками пришельцев. Но и в домах, и в юртах идет общая жизнь, общее строительство. Для историка и этнолога притягательное ныне на берегах голубой реки представляет исключительный интерес.

5. По Малому Енисею.

Для ознакомления с районом Малого Енисея, от Хем-Бельдыра нам следует отправиться вверх по Ха-кему (М. Енисею). Если взглянем на карту, то увидим, что Ха-кем вытекает из озера Тери-нор и представляет собою довольно значительную реку, протяжением (от озера до слияния с Бей-кемом) более четырехсот верст. Но несмотря на относительную многоводность Ха-кема, им почти не пользуются даже для сплава плотов. Объясняется это двумя причинами: в верстах в ста-двадцати от Хем-Бельдыра русло Ха-кема загромождено непроходимым порогом-водопадом, и хотя выше водопада имеются леса, но сплав плотов через водопад невозможен. В части же, доступной для плавания, Енисей протекает по стране, совсем непохожей на северную страну озер и лесов — Тоджу. В долине Малого Енисея явственно ощущается близость степных пустынь соседней, совсем недалекой Монголии.

Дорога от Хем-Бельдыра на Малый Енисей идет довольно широкой речной долиной. Реки совсем не видно, так как она

62.8183

запрятана в зеленые заросли тополевых опушек. На всем протяжении пятидесятиверстного пути до дер. Федоровки дорога подходит к самому берегу раза два, да однажды приходится переплываться с левого берега на правый. Стремительно мчит свои голубые воды Ха-кем среди степной равнины, обставленной живописными кряжами. В летний солнечный день здесь такая игра нежнейших полутонов чарует глаз путника, что легко забываешь о знойном солнце. Панорама гор Мало-Енисейской долины в своеобразной живописности отражает в себе ряд изменений, претерпеваемых ликом земли нашей в течение ряда геологических эпох. Наличие ряда террас и отдельных возвышенностей в самой долине также с необычайной наглядностью запечатлевает историю долины Ха-кема.

Долина Малого Енисея на огромное протяжение в настоящем своем состоянии почти непригодна для земледелия. Дело в том, что в южной части Танну-Тувы выпадает слишком мало осадков, чтобы возможно было вести земледелие без искусственного орошения. Здесь зелень увидишь только там, где вода. Непривычному к сухим степям человеку, пожалуй, долина М. Енисея покажется и совсем бесплодной, а самый путь—утомительным.

Но вот почти без всяких переходов мы вдруг везжаем в зеленый клин. Зеленеют попеременно поля и луга. Повсюду зеленые сочные кустарники. Где-то журчит вода. Мы вехали в орошаемый клин Федоровского поселка. Недаром тувинцы называют этот зеленый клин—Байгаком („Богатым кустарником“), а речку, приносящую иловатую воду—Байсутом.

И чем дальше мы едем, тем все зеленее становится трава, пышнее кусты, обильнее посевы. Налево виднеется долина и синеватые горы, в которых рождаются живительные воды Байсута. Байсут, как и многие другие урянхайские речки, не доходит до естественного устья, а вода его растекается по бесчисленным арыкам и создает цветущие поля. При условии искусственного орошения, тучная, неистощенная почва дает богатые урожан.

В долине Байсута с 1913 по 1918 год разрабатывались золотые прииски, с содержанием золота, недостаточно богаты для ручных работ; но золотоносные площади Байсута были бы весьма пригодны по условиям напластования и характеру грунта для разработки их драгами.

За Федоровкой, по правому берегу М. Енисея тянутся одна за другой русские деревни, крепко осевшие на землю при устьях правых притоков—Хобто, Шана, Терсика.

За короткое время колонисты-земледельцы окрепли хозяйственно, благодаря хорошим ежегодным урожаям. Ранних заморозков, губящих хлеб, которые возможны здесь по причине высокого положения края над уровнем моря, с 1913 г. не наблюдалось.

По обследованию 1918—19 года в Мало-Енисейском районе населенных пунктов было 41, с населением в две тысячи слишком человек. Пашни всего по району числилось 2244 десятины, из которых более тысячи десятин было поливной. На первом месте стоят посеы яровой пшеницы, на втором—овса. Ярицы сеется немного. Лошадей у русского населения М.-Енисейского района (в 1918 г.) числилось 1726, рогатого скота 2300, овец и коз более 1500.

Туземное население по Ха-кему составляет Сальджакский хошун, численностью в 6500 человек. По хозяйственному укладу сальджаки, главным образом, скотоводы, но благодаря близости к лесистой горной тайге верховой Ха-Кема и его притоков, среди сальджаков весьма развит также охотничий промысел.

Часто встретите вы охотника, верхом отправляющегося в тайгу, при чем за плечами у него вы увидите торчащее кремневое ружье, с приделанными к нему „сошками“.

Среди сальджаков вы не встретите оленеводов, но все же следует признать, что сальджаки являются как бы переходным типом от северо-восточных тоджинцев к обитателям центрального и кемчикского районов. В Сальджакском хошуне нам будут попадаться наряду с войлочными юртами берестяные остроконечные шалаши (алачки).

Но природные условия Ха-кемского района побуждают сальджаков переносить центр тяжести своей хозяйственной деятельности от охоты к занятию сельским хозяйством, и не только скотоводством, но и земледелием. За последние годы перед революцией восприимчивые туземцы весьма быстро стали усваивать себе приемы русского земледелия. Зеленый клин Байгака, а также орошаемые участки при устьях других притоков вмещают в своих огороженных участках посеы и туземцев, и русских.

К востоку от населенного района, вверх по Ха-кему лежат горные дебри, где не встречается уже никаких поселений. Страна эта может быть характеризована как высокогорное междуречье Бей-кема и Ха-кема, представляющее собой весьма значительный интерес с точки зрения открытия новых золотоносных площадей. Поиски золота в верховьях Ха-кема

велись (в 1916 — 1919 г.г.) финляндской компанией. Ныне в эти отдаленные углы ведут лишь малонаезженные тропы охотников-сальджаков.

Помню, как во время одной поездки к востоку от Хобто, мы то и дело теряли дорогу, стараясь перевалить из вершины Хобто *) в долину Терсика.

В густых травянистых зарослях след тропы совсем терялся. На перевал мы выбирались без дороги, по чутью проводника-туземца. А когда перевалили в вершину р. Чайми-хем, правого притока Терсика, то увидели ясно протоптанную тропу сквозь пышные травянистые заросли. Но тропы эта была протоптана... медведем. От кедрачей, темневших на фоне каменистой осыпи, спускалась торная дорожка к обильной рыбой (хайрузами **) речке Чайми. По тропе этой спокойно и уверенно, приминая высокие травы, очевидно, незадолго до нас проследовал мохнатый хозяин тайги. Иной туземец назвать его по-просту „хоярханом“ (медведем), пожалуй, и не рискнет, т. к. имя высоких особ (в том числе и родовых князей-нойонов) пронести в суе запрещено. Суеверный охотник назовет медведя иносказательно.

Дальше к востоку местность становится еще более глухой и совершенно безлюдной. Но это не значит, что восточнее Терсика край не представляет собой никакого интереса для нас. В долине Ужепа (к востоку от Терсика), несомненно, есть золото. Разведок никаких там не производилось. Но есть первоначальные показатели, заставляющие думать, что в будущем по Ужепу будут открыты золотосные площади. В 1916 г. в одном из правых ключей работала артель (человека в 4—5) старателей. Сюда же эти долины пребывают нетронутыми и служат местами охоты для туземных обитателей Сальджакского хошуна.

В настоящем своем состоянии Мало-Енисейский район представляет собой относительно редко населенную туземцами страну, в которую вклинились вытянутые тонкой, но прочной веревочкой русские крестьянские деревни. Русское население Малого Енисея совместно с населением других районов входит в состав особой самоуправляющейся русской трудовой колонии, с центром (краевым исполкомом) в том же Хем-Бельдыре.

---

*) Кстати, следует заметить, что никакого озера в вершине Хобто, как это указывается на большинстве карт, не имеется. П. Л.

**) Род форели.

Развитие земледелия в разделе Малого Енисея вполне обеспечено наличием плодородной (черноземной и лессовой) почвы, а также достаточным количеством воды для орошения (при условии расширения оросительных сооружений) и благоприятным климатом. В районе прекрасно вызревают не только пшеница, но также томаты, арбузы и дыни.

На обратном пути в Хем-Бельдыр будет небезынтересно нам побывать в юрте тувинца. Улусы тувинцев обычно состоят из небольшого числа юрт, от 2 до 8, изредка бывает и больше. Кочевать более плотными группами мешает недостаток пастбищ для скота.

Около улусов нас встретят оглушительным лаем черные лохматые псы. А на лай собак изо всех юрт высыпают жители улуса: мужчины, женщины, дети. Большинство взрослых одеты в длинные халаты особого покроя из материи по преимуществу синего цвета (любимый цвет тувинцев; кроме синего, встречается красный, быстро превращающийся, благодаря грязи, в темно-коричневый). Наиболее ходовая материя среди тувинцев—так называемая талемба, продающаяся кусками (отрезками). Дети обычно совершенно голые, бронзовые, сверкающие желтыми белками черных-черных глазенок. И мужчины, и женщины носят косы. Но у мужчин выбрита передняя половина головы, и коса (всегда одна) образуется из волос, растущих на затылке. Женщины волос не стригут совсем и заплетают волосы во множество косичек. Со стриженными головами ходят только представители духовенства—ламы. Ламы обычно бывают одеты в халаты желтого цвета (присвоенного лицам духовного звания). „У туземных халатов особенно интересен покроем длинного рукава с отворотами, которые служат при случае и салфеткой, и носовым платком, и карманом“. (Вс. М. Родевич, „Очерки Урянхайского Края“ Изв. РГО. 1912 г.).

Обитатели улуса начинают приветливо здороваться с вами, говоря: „Менды“ или „Амыр“. Проходим в юрту. В юрте мы видим посредине очаг, на нем стойки для огромной азиатской чаши и котелков. Направо от входа нередко можно заметить прибор для выгонки из заквашенного молока молочной водки (арака). Пол юрты застлан войлоком и шкурами. А вдоль круглой стены расставлены деревянные ящики и ларцы. На особом поставце виднеется статуэтка или образок, изображающий какое-либо божество из ламаитского пантеона. Сидят в юртах тувинцы на корточках, вокруг очага, или же полулежат на разостланных шкурах и войлоках.

В чаше на очаге почти во всякое время дня варится зеленый (кирпичный) чай с молоком и солью в огромной азиатской чаше.

Чтобы не обидеть хозяев, нам следует попробовать чаю или кисловатой, слабой молочной арачки, которую пьют обычно в подогретом виде. Если вы владеете языком или с вами есть переводчик, то обычно весьма быстро завязывается оживленный разговор. Туземцы и любознательны, и любопытны. Но их нельзя назвать пазойливыми.

Когда вы выйдете из гостеприимной юрты, вас будут провожать всей семьей, а также сбегутся и одноулуслики.

Земля около юрты бывает утоптана копытами стад и загажена пометом. Только частые перекочевки спасают туземцев от чрезмерного загрязнения стойбищ.

Нередко хозяин юрты или кто-либо из жителей улуса (мужчин) сядет на маленькую лошадку с подстриженной гривой, вечно стоящую под седлом на-готове, и отправится провожать вас. Делать ему нечего, и он с удовольствием скоротает с вами некоторое время. Вы себе и не представляете, докуда будут простираться его любезные проводы. А провожающий вас тувинец вдруг неожиданно повернет, но поедет не обратно к своему улусу, а направит свой путь к какому-нибудь приятелю, и кто знает, сколько времени он там пробудет. Помню, вот так с нами увязался молодой парень Савапыт, проехал версты две, а потом вдруг свернул куда-то вправо, в горы, откуда бежала, судя по темным зарослям приречных кустов, извилистая речушка. Мы распустились, поехали дальше, но невольно как-то стало думаться о Савапыте...

Наклоняется вершина,
Власть утратив над собой,
Над полуденной долиной
В знойной мути голубой.

И в лучах животворящих,
В опьяненьи скрытых сил,
Степь звенит в лучах палящих
Переливным звоном крыл.

Зной. Избыток. Напряженье.
Страстной лаской дышит степь.
Ей в тоске, в изнеможеньи
Снеговая снится степь.

Иноходец Савапыта
Чуть дымит сухую пыль.

Мягко стучают копыта,
Миут серебряный ковыль.

Горный пик к степи склонился
В голубеющую муть.
Конь усталый заленился,
Шаг за шагом долог путь.

... За последним поворотом,
Возле речки, за леском
Юрта. В ней старик весь в желтом,
С узким черным пояском.

В травянистых косогорах
Бродят овцы. Вслед стадам
Бродит девушка в уборах
По истоптанным следам.

Ждать придется терпеливо,
Долго копится калым....
Облака ползут лениво
По просторам голубым.

Конь под плеткой Савапыта
Задымил сухую пыль.
Чаще стучают копыта,
Да шуршит сухой ковыль.

6. В центральном районе Танну-Тувы.

К югу и к западу от Хем-Бельдыра кочуют тувинские роды, принадлежащие к Тесингольскому (б. Ойнарскому) хошуну. Их кочевья занимают центральную часть Танну-Тувинской республики. Здесь, в центре Урянхайской котловины, мы оказываемся уже в типичном скотоводческом районе края.

В этом районе вы уже не увидите берестяных тодзинских юрт. Всюду юрты обтянуты войлоком – типичные жилища степняков-скотоводов. Вблизи улусов бродят стада овец, рогатого скота, лошадей. Скот – главное богатство танну-тувинцев. По статистическим данным

рогатого скота у туземцев числится около	108.000	г.
овец и коз	500.000	”
лошадей	112.000	”
сарлыков (монгольских яков),	500	”
верблюдов	500	”
оленей	5.000	”

Принимая число жителей туземцев в 60.000 человек, а число юрт в 12.000, мы получим следующие данные, характеризующие обеспеченность туземного населения скотом:

Приходится	Рогатого скота.	Лошадей.	Овец и коз.
На 1 хозяйство (юрту)	8	8,5	80
На 1 душу населения	1,8	1,9	16

При таком явно выраженном скотоводческом типе хозяйства, земледелие в целом имеет для тувинцев вполне второстепенное значение, хотя при условии искусственного орошения полей с помощью арыков посевы обычно дают хорошие урожаи. Проникновение русской земледельческой культуры мало-по-малу пробуждает и в тувинцах желание увеличивать свои запашки.

В скоте, в лошадях, в овцах — главное благосостояние тувинцев. Покуда у тувинца есть скот, он сыт, одет, у него есть запас зеленого чая, который непрерывно варится в огромных котлах (чашах) на очаге, с молоком и солью. А коли есть в юрте молоко, то есть и „арачка“, — молочная водка. И целыми неделями иной раз проводят тувинцы (мужчины) в том, что ездят на своих иноходцах от юрты к юрте и пьют арачку. В большинстве случаев, тувинцы очень беспечны. И хотя во многих местах возможно по речным долинам заготавливать сено для зимнего кормления скота, они этого или совсем не делают, или же делают в таких незначительных размерах, что в снежные зимы оказываются беспомощными перед бескормицей. В малоснежные зимы привычный тувинский скот легко выдерживает на подножном корму. Вся забота тувинца о своих стадах обычно сводится к периодическим перекочевкам в строго установленных пределах. Зиму тувинцы проводят на склонах гор, где снег сдувает ветрами, и сухие прошлогодние травы легко вырываются скотом из-под тонкого снежного покрова. К весне кочуют туда, где есть запашки, т. е. в долины речек, для исправления оросительных каналов, для пахоты и посева. По окончании посева, тувинцы снова поднимаются со своими стадами на лешники, расположенные там, где меньше насекомых, где сочнее травы, свежее воздух. К осени, ко времени жатвы, снова кочуют в долины, а к зиме взбираются на склоны гор.

Зимой тяжело живется тувинцу. В юрте темно, холодно. Молока становится все меньше и меньше, потом оно и совсем исчезает. Не из чего гнать арачку. И разве только удачная охота поможет разнообразить скудную пищу мясом

убитого марала или дикого козла. Главной составной частью зимнего меню остается неизменный чай (по преимуществу плиточный, зеленый). Такое полуголодное существование в зимнюю пору не может не отражаться губительным образом на организме туземцев. Тувинцев нельзя назвать крепким, здоровым народом. Самые элементарные понятия о чистоте, о возможности заразиться какой-нибудь болезнью — у них отсутствуют. Среди них зачастую можно встретить людей больных трахомой, чесоткой, сифилисом. Не следует однако думать, как это случается с некоторыми „исследователями“, что среди тувинцев распространен поголовный сифилис; но во всяком случае, заболевания этой болезнью принимают угрожающие размеры. Надо надеяться, что правительство Танну-Тувинской республики примет самые энергичные меры к тому, чтобы повести решительную борьбу с физическим истощением тувинского племени.

А вместе с тем, этот народ таит в себе много прекрасных качеств. Его былины, его сказки не лишены поэтических красот. Но большинству народных поэтических произведений свойственна грусть о былом, утраченном благосостоянии — материальном и духовном.

В быту тувинцы сохранили много черт, весьма интересных для нас. Слишком мало мы еще изучили их социальную жизнь, чтобы сделать те или иные научные построения в области их общественной и семейной жизни. В короткой брошюре нашей мы можем лишь бегло отметить некоторые любопытные черты. Останем наше внимание на положении женщины.

Как и у многих народов, у тувинцев за невесту выплачивается женихом калым, но положение женщины оттого не делается приниженным. Обычай воспрещает женщине погружаться в воду, чтобы не „загрязнить“ воды, но в то же время женщина у тувинцев наравне с мужчиной может служить Эрлик-Хану в шаманском культе. На женщине лежит ряд главнейших работ по дому. Ею держится хозяйство. Мать связывает семью во-едино. Почетное место, занимаемое женщиной у тувинцев, подавало повод говорить даже о своеобразном „матриархате“.

Необходимо также отметить любовь и заботливость тувинцев к детям. В Танну-Тове вы не найдете ни одного беспризорного ребенка. Каждый ребенок там будет принят в семью, как родной. Мне приходилось видеть семьи бедняков, где наряду со своими родными детьми воспитывались и приемыши. Родители гордились всеми детьми и заботились в равной мере о каждом одинаково.

7. По Улу-Хему.

Чтобы попасть на Чакуль (а оттуда проехать лошадьми на Кемчик) из Хем-Бельдыра, всего удобнее выбрать путь на плотах по Улу-Хему. В летнее время плоты довольно часто спускаются с Бей-кема через Хем-Бельдыр-Чакуль в Минусинск. На таком плоту мы и отправимся сперва до Чакуля. Если стоит ясная солнечная погода (а это—явление довольно обычное для Танну-Тувы), то плавание на плоту будет чрезвычайно приятным.

Быстро мчит свои воды голубая река посреди островов, опущенных бальзамическими тополями и тальниками. Горы то далеко отступают от берега (иногда верст до пятидесяти), а иной раз в виде скал приближаются к самому берегу.

На пути нашем встретится немало живописных мест, которые следует нам отметить. Недалеко от Салдама, той самой фактории, где в сгорде поставлен был англичанином скромный столбик с горделивой надписью „Центр Азии“, по правому берегу высятся зубчатые скалы Джарги. Здесь когда-то великим смятением охвачены были враги танну-тувинского народа, остановленные в своем набеge водами голубой реки (см. выше, стр. 4).

Не доплывая до Джарги, можно уже заметить, как на горизонте маячит одна из самых живописных гор, которые мне приходилось когда-либо видеть. Представьте себе быструю полноводную реку, катящую свои воды меж зеленых-зеленых островов. Катятся быстрые воды, а вместе с ними несется ваш плот. Зелеными купами уходят назад все новые и новые берега. А впереди, над зеленой долиной, далеко-далеко на горизонте виднеется белый, ослепительно белый шатер.

„Кто бы мог воздвигнуть себе такой гигантский белый шатер? Его видно верст за пятьдесят“.

Это—гора Хоярхан. Форма горы—форма шатра. Впечатление раскинутого шатра усиливается тем, что окрестные горы в этом месте отступают на довольно далекое расстояние от берега, и только одинокая мраморная глыба Хоярхана отделилась в незапамятные времена от них и белым шатром высятся над самой голубой рекой.

С горой этой связана одна из прекраснейших тувинских легенд, которую я и считаю здесь возможным привести в сокращении, по переводу знатока танну-тувинского края, И. Г. Сафьянова*).

*) Впервые напечатана в сборнике „Альфа“, Москва 1915.

„В самом сердце Сойотии, на левом берегу Улу-Хема *) , среди широкой равнины Ипитальской степи величественно поднимается красивый и гордый „Хоярхан“ (**). Северная часть Хоярхана полна жизни, и белые мраморные колонны скал живописно спускаются в темные волны Улу-Хема, и из глубоких ущелий весело выглядывают вековые лиственницы. Южная часть его точно сожжена каким-то чудесным огнем, и голая, почерневшая, уныло смотрит она своими черными уступами на раскинувшуюся у ее подножья пустынную степь. Вся Сойотия знает эту необыкновенную гору и в своих былинах поет о ней красивую, таинственную сказку.

... Много воды утекло с того времени, когда могучий и грозный жил в нашей земле Куштых-Кам (***) . Но память о нем осталась. Кто не видел у нас чудной белой горы? Кто не знает величавого Хоярхана? Разве слепой только. Словно белый шатер, поднимается среди беспредельной равнины царственная гора. Как молодая девушка, стыдливо кунает она свои белые ноги в прохладной волне Улу-Хема—и, кажется, с каким бы наслаждением кинулась молодка в эту светлую чистую воду, да суровый обычай страны запрещает женщинам погружаться в воду выше колен.

Мирно коучют вдоль степного берега богатые улусы, поселки свободных сынов нашей роины. Дружно живут они, весело пьют араку, шумно встречают каждый вечер возвращение своих многочисленных стад скота, овец и лошадей. Большим почетом пользовался у них Куштых-Кам, но любимцем всех был его сын Иммакай. Сильный, ловкий и смелый, первый удалец (кайгал), первый певец и музыкант, он был гордостью целого рода. Давно собирался суровый старик посвятить сына в великое звание Кама, да все жалел его молодость; но, наконец, решил. Годы шли, здоровье слабело—медлить нельзя. Грустно выслушал сын желание отца, ничего не возразил, только низко опустил свою буйную голову и тихо вздрогнул. Потом опомнился, гордо вскинул на отца свой острый взгляд и сказал: „Отец, ты прав в своем желании передать меня Эрлик-Хану (***) . Это великое дело, но посмотри, как я еще молод, как мне хочется пожить среди

*) Улу-Хем—большая река—туземное название Верхнего Енисея.

**) Хоярхан—медведь. Название горы в Урянхайском крае.

***) Кам—шаман.

****) Царь подземного царства. Властитель нечистых духов. Ему подчинены: Аза (чорт), албысы и шульбусы (албысы—оборотни-мужчины, шульбусы—оборотни-женщины) и множество „пуков“, (пуки—мелкие духи, живущие повсюду).

товарищей, хочется ласкать любимых девушек, устраивать удалые набеги и приводить в свои табуны захваченных в этих набегах резвых турбецких лошадей. Подумай: ведь, став хамом, я лишусь всего этого“. „Глуный мальчишка“, сердито сказал старик: „ты не понимаешь, что говоришь. Разве какие-нибудь удовольствия могут сравниться с величием и красотой нашего служения? Властный господин всего земного, ты делаешься могучим сообщником духов, живя среди людей. Ты будешь знать все тайны великой матери-природы и смело и спокойно пойдешь во главе нашего народа. Ведь ты знаешь, что в руках хама находится вся власть над народной душой. Бери же скорей мой старый певучий бубен, и сегодня же после заката солнца я передам тебе и свое почетное звание, и свои глубокие тайны“. Низко склонив в знак согласия свою голову, Иммакай сказал: „Ча“!*) и молча вышел из юрты отца.

Тихо переваливает солнце за темнеющие вдали вершины таскылов. Воздух наполнен гулом от топота ног возвращающихся с пастбищ стад. В улусах веселый говор, нестройное пение и крики. Быстро носятся легкие скакуны среди собранных табунов; лихие пастухи, как прикованные к их спинам, прямо с седла ловко набрасывают свои длинные ременные арканы на тонкие шеи резвых степняков. В юртах идут оживленные разговоры о том, что сегодня будет великая ночь, что старый шаман призовет всех духов и передаст им своего любимого сына.

Но где же Иммакай? Утром видели, что он с ружьем за плечами быстро взбирался на крутые утесы Хоярхана; еще смеялись, когда одна из его любовниц, красавица Адьа, беспокойно оглядываясь по сторонам, намеревалась последовать за ним, да не решилась: так сурово смотрел вечно веселый Иммакай.

Вот уже темная ночь окутала таинственной мглою и тихую степь, и вершину горы, а Иммакай не возвращался.

Густая толпа собравшихся окружила юрту старого шамана и с напряженьем ждала, что будет. Печально поникла седая голова шамана, тяжело ему было думать, что сын сбежал; а между тем, в толпе уже говорили это.

Тихо взял старый шаман свой бубен, быстро повертел его над огнем, и грозные, негодующие звуки внезапно огласили воздух.

---

*) „Ча“ — хорошо.

Дико завыл испуганный волк, тихо пробиравшийся среди караганика *) к овечьему двору. Жалобно застонал в островах филии, и из ночной мглы быстро вылетели и закружились в воздухе летучие мыши. Все, казалось, ожило в ночной тишине. Только величавые утесы Хоярхана злоеще молчали. Вдруг шаман громко вскрикнул и под пронзительный вой бубна начал бешено кружиться, грозно звеня своими погремушками; из его горла слышались глухие, полные какой-то тайны двойные звуки, а из-под нависших бровей гневно сверкали огненные глаза. Разгневался Куштых-Кама, а в своем безумстве он не знал пределов. Покорные могучей воле великого шамана, духи бешено носились по вершинам Хоярхана, тщетно ища дерзкого беглеца.

Наконец, силы оставили Кама; как мертвый, он упал на руки сидевших вокруг огня стариков и затих в глубоком обмороке.

Все смолкло; густая мгла окутала задремавшую землю; только там, на белой горе, резко слышался таинственный шелест лиственниц, точно смеялись они, плутовки, над бесильной злобой шамана и его покорных духов.

Но вот страшная ночь миновала. Яркий луч восходящего солнца заставил всех позабыть ночные ужасы и заняться своими несложными работами; только убитый горем старый шаман затворился в юрте и не хотел никого видеть. Днем несколько молодых охотников отправились на вершину белой горы с смутной надеждой найти там Имакаая, но возвратились вечером, уставшие от бесплодных поисков; а в следующую ночь в юрте Куштых-Кама снова загремели могучие звуки бубна, то негодующие, то молящие; снова озлобленные духи носились по темным ущельям Хоярхана.

Так продолжалось долго, очень долго.

Старые руки шамана совсем высохли от чрезмерного напряжения и уже с трудом держали волшебный бубен, а ослабевшие от слез и горя глаза все больше и больше погружались в непроглядную тьму; но хотя старое тело грозного шамана сохло и умирало, его душа еще металась, и гордый ум придумывал неслыханную месть коварной горе, укрывшей в своих недрах его любимого сына.

О постигшем Куштых-Кама несчастье скоро узнала вся страна, и живущие в различных концах ее шаманы поехали навестить великого Кама.

---

*) Караганик--колючий степной кустарник.

Знойный день сменила удушливая, черная, как коровий глаз, ночь. Небо, покрытое темными тучами, точно о чем-то плакало, и мелкие капли его слез бесшумно падали в мутные волны заснувшей реки.

В юрте Кама сидят все прибывшие гости, а кругом ее собрался народ и со страхом ждет чего-то необычайного. Ярко горит священный костер, освещая озабоченные лица сидящих вокруг него хамов. Но вот сильный и грозный удар чудесного бубна Куштых-Кама мгновенно разбудил ночную тишину, и за ним поднялись глухие звуки бубен его товарищей.

Народ в страхе стал на колени и молитвенно сложил руки. Тысячи красивых огненных шариков то появлялись, то исчезали в воздухе (хей-от). Со всех сторон слышались таинственные голоса, два раза прокричала кукушка, но призывный гул бубен не прекращался.

Держа бубны над головами и непрерывно ударяя в них, хамы вышли из юрты. Впереди всех шел Куштых-Кам, снова сильный, здоровый и грозный.

Народ упал на колени и наклонил до земли свои головы. Вдруг звуки бубнов внезапно замерли, и в этот миг на небе появилось огненное облако, из которого со страшным громом посыпался в разные стороны снап молний.

Обяты невывразимым ужасом, народ бросился в свои жилища, ища там защиты от огненного дождя.

Дикий вой урагана, непрерывные удары грома в воздухе и под землей продолжались всю эту страшную ночь. А когда все смолкло, наконец, среди наступившей тишины слышался тихий треск горевших лиственниц на вершинах Хоярхана, да раздавались жалобные стоны зверей и птиц, заживо сгоревших в этом гигантском костре.

Никто не спал в эту страшную ночь. Лежали, не шевелились. И так до самого утра, когда светлое, вечно спокойное солнышко весело выглянуло из-за гор. Ободренный его ласковым светом, начал выходить из юрт наш народ, и взоры всех со страхом и любопытством обратились на преступную гору, которую густым облаком окутывал черный дым.

Некоторые пошли к юрте Кама, но она оказалась пустой: ни Кама, ни его товарищей нигде не было видно. Потом вспомнили о своих стадах, которые ночным ураганом разогнало в разные стороны.

Искали до позднего вечера, но не нашли. и только дойные коровы, кобылы, козы и овцы уже ночью вернулись к своим детям; остальной скот так и пропал бесследно.

Много дней спустя, узнали от проезжающих, что бывшие тогда в гостях у Куштых-Кама шаманы в то памятное утро оказались все на своих местах, перенесенные какой-то неведомой силой, а их лошади с седлами возвратились домой позднее и привели за собой по сотне голов разного скота и лошадей.

О Куштых-Каме никто ничего не знал, в его юрте, однако, постоянно поддерживали огонь, его коров ежедневно доили и из молока делали хойпак и сарджак, надеясь, что любимый Кам также внезапно появится, как внезапно исчез. Никому не хотелось думать, что великий и мудрый Кам навсегда оставил свой народ, и все ждали, долго ждали, но потеряли надежду дождаться и понемногу стали забывать о нем.

Когда рассеялся дым и вершины Хоярхана снова осветило солнце, все увидели, что небесный огонь сжег весь лес и превратил в угли белые камни на южной стороне горы; северный же склон остался невредим, белые скалы его по-прежнему ласково беседуют с голубыми волнами Улу-хема.

Говорили потом старики, будто с тех пор, как погиб великий Куштых-Кам, не стало в нашей земле могучих шаманов. Те, что были на страшном празднике мести, быстро разбогатели от доставшегося им таким чудом скота и скоро совсем забыли свое священное назначение. А их потомки, мучимые внутренним огнем, помимо их воли загоревшимся в придавленных жизнью сердцах, бессознательно, словно больные, в припадке сумасшествия входили в сношения со злыми духами нашей родины, но были уже не господами, а послушными рабами их. Черное смешалось с белым, чистое, светлое — с мрачным и темным.

Не стало Куштых-Кама, не стало силы народной.

Жалкий, обнищавший, живет теперь сойотский народ и только в сказках видит еще свое светлое прошлое“.

Но вера в шаманов не исчезла, и тувинцы постоянно обращаются к ним за помощью*). Ламаизм и шаманство у тувинцев уживаются рядом. Мне пришлось при устье Тапсы встретить ламу, жена которого была известной в округе шаманкой. На камлании этой шаманки в юрте ламы мне довелось как-то быть. Вот как это происходило.

---

*) По мнению тувинцев, шаманы с помощью духов могут не только предсказать будущее, но и выгнать злых духов, причиняющих человеку болезненные явления. Вероятно, и у них, как у тунгусов и других народов, существует своя особая демнологическая физиология, по которой каждая функция человеческого организма связана с деятельностью того или иного духа.

Народу в юрте набралось много. Огонь разгребли, стало почти черно. Над тлеющими углями вертели огромный бубен. Время от времени постукивали по бубну рукой. Над костром бубен нагревался. Все более гулким становился звук.

Кто-то нагнулся из темноты над тлеющими углями, и снова красноватый силуэт исчез в черноте. Ясно была видна фигура шаманки. Да тот, кто вертел бубен, застилал половину юрты пляшущей тенью.

Пестрые эримы растрепанной массой облекли стройное тело шаманки Норджюмы. Что-то забренчало, зазвенели подвески, звякнул бубенец. Норджюма надела страшную шапку—венец властителей духов. Колотушкой ударила по бубну и, медленно раскачиваясь, запела странные, неведомые, непонятные простым смертным слова. Отовсюду слетались духи на призыв Норджюмы, забирались и в бубен, и в пестрые эримы, и в мохнатую шапку. Все чаще, все громче становились удары бубна. Полнее и полнее звучало его жуткое, неуклюжее пение—словно тысячи голосов слетевшихся мелких духов сливались в звуках чудесного бубна. Много, много слеталось духов. Собрались и запрятались в бубен шаманки и в мохнатые одежды. Много их собралось. В изнеможении опустила Норджюма передохнуть. Предстояла ей дорога к Эрлик-хану, властителю подземного царства.

Норджюме протянули трубку. Опираясь на бубен, шаманка курила, сильно затягиваясь. Докурив, сплюнула. Тогда из темноты протянулась чья-то рука и подала ей вторую трубку. Снова курила шаманка,—в юрте царило молчание. Третьей протянутой трубки она не взяла. Оттолкнула красновато-черную руку, распрямилась и ударила колотушкой по бубну. И снова завывли иступленно запрятавшиеся в бубне духи. Быстрее и быстрее становились движения Норджюмы. Топот бегущего животного слышался в гулкой песне шаманского бубна: то Норджюма на огромном черном медведе неслась к Эрлик-Хану. Переплывал реки мохнатый конь, пробирался сквозь густые таежни, взбегал на высокие горы, оскалившиеся гранитом. Послушно нес он властительницу духов к Эрлик-Хану.

Разгневался Эрлик-хан на дерзкую шаманку. Забились в бубне испуганные духи. Но запела тогда Норджюма. „Златоглавая моя змея Амырга. Пьет она воду из вершин серебряных рек. Ползет змея по вершинам гор“.

Сам Эрлик прислушался к торжественной песне шаманки.

„Левой рукой я держусь за многоцветную радугу. Правой рукой я держусь за синее небо. Тело мое велико, как

гора. Сердце мое крепко, как камень. Шуба моя из жалких отрепьев. Пицца моя горька, как смола сосны“...

Цела так Норджюма, и смирился тогда пиев Эрлик-хана.

И стала задавать вопросы ему Норджюма. Вступила с Эрликом в разговор. И устами шаманки заговорил страшный Эрлик-хан...

Повыше Хоярхана, в Улухем (Енисей) впадает река Элегест. У самого устья, с правого берега, на поверхность земли выходят пласты каменного угля. А вверх по долине р. Элегеста, стекающего с хребтов Танну-Ола, раскинулись привольные кочевья тувинцев. В эту же широкую долину с особенной быстротой хлынули в свое время и русские переселенцы после того, как царское правительство всячески стало поощрять заселение края, только что тогда объявленного находящимся под протекторатом России (1914 год). Так называемый Подхребтинский район за пять лет колонизации занял первое место по количеству русского населения (3500 человек) и числу дворов (500) среди других районов Танну-Тувы. По количеству распаханной земли он уступал только одному Турано-Уюкскому району, первому, где начали возникать русские земледельческие селения. Новоселы Подхребтинского района не были богаты (относительно) живым и мертвым инвентарем, но рост хозяйства переселенцев до революции шел быстрым темпом. Подхребтинский район обещал быть наиболее плотно заселенным районом края, наиболее освоенным русской колонизацией. Естественно, что здесь возникало наибольшее количество споров между колонистами и коренным населением края.

Приходили в постоянное столкновение также интересы земледельцев и скотоводов, оседлых землепашцев и кочевников.

Земледельческий вопрос тем более обострялся, что наглядный пример русского земледелия побуждали туземцев расширять свои собственные запашки, вследствие чего возникали споры из-за воды и земли.

Было очевидно, что туземцы обладают не только поэтическим воображением, но и большой сметливостью и восприимчивостью в области практических навыков.

Туземцы быстро усваивали приемы русских земледельцев, приобретали русские плуги и др. орудия. В Кемчикском районе, как мы увидим ниже, туземцы в единичных случаях приобретали даже сложные с.-х. машины.

Примеры заимствований я могу привести не только из области сельского хозяйства, но и из области промыслов.

Ниже Хоярхана с правой стороны в Улу-хем впадают реки: Темирсуек, а к западу от нее — Илнкем. В долинах этих рек еще в 70-х годах прошлого столетия велась разработка золотых приисков (главным образом, по Илнкему — Серлику).

В 80-х годах работы были приостановлены, но туземцы, перенявшие от русских способы добычи золота, не утратили этих навыков, и в 1913 г. мне приходилось видеть тувинцев-старателей, добывающих самостоятельно золото по Серлику.

Но если в настоящее время мы видим, что тувинцы являются племенем, способным овладеть рядом сельскохозяйственных и промысловых навыков, то в прошлом Танну-Туву мы всюду встречаем следы какой-то катастрофы развитой цивилизации.

Во многих местах края мы натолкнемся на остатки развитой оросительной сети, несравненно более сложной и высокой по технике, нежели современные арыки тувинцев. По остаткам оросительной системы можно с уверенностью сказать, что поливная площадь Танну-Туву в отдаленные исторические времена была значительно шире современной.

Мне приходилось видеть остатки каменных акведуков (в долине Темирсука), а также водонапорных канав, высеченных в скалах (над Серликом, по правому берегу).

Во многих местах также встречаются следы больших канав, заводящих воду на высокие увалы (наблюдаются следы трехъярусной оросительной системы), и нередко случаи, когда русские колонисты умело пользовались этими заброшенными древними гидротехническими сооружениями. Иной раз достаточно бывает провести глубокую борозду плугом, чтобы по старой, давно заброшенной канаве, с помощью вновь построенной запруды, потекла вода, размачивая сухую почву.

Кроме этих древних оросительных сооружений, свидетельствующих о цветущем прошлом Танну-Туву, до нашего времени сохранились также остатки древних шоссированных дорог (т. н. дорога Чингизхана от Чакуля на Кемчик). По сторонам этой дороги выкопана сточная канава. И насыпь и канава, несмотря на разрыв весенними водами в ложбинах, прекрасно сохранились на более возвышенных местах до нашего времени. Дорога гладко укатана щебнем. Встречаются также курганы, развалины укреплений (на устье Аксука,

левого притока Кемчика) и писаницы. Все это говорит о древней цивилизации, поддерживать которую в свое время обитатели Танну-Тувы оказались не в состоянии.

Очевидно, страна голубой реки была когда-то одним из очагов центрально-азиатской цивилизации, но потом пришла в упадок, и только в наши дни начинается какая-то новая пора содружества цивилизации и кочевого быта на берегах Улу-Хема.

До самого последнего времени наиболее значительное культурное влияние на танну-тувинцев оказывали монголы. Через монгольское посредство утвердился в стране ламаизм. Господство желтой религии предопределило духовное подчинение тувинцев монголам.

Письменности своей тувинцы не имеют. Пишут они по-монгольски. Официальный язык для письменных документов—монгольский. Чиновники знают монгольскую грамоту, читают монгольские газеты. Кроме чиновников, грамотны ламы (духовенство). Ламы читают по-монгольски, а часто и по-тибетски. Среди туземного населения, кроме лам и чиновников, грамотных нет.

Но тем не менее, среди тувинцев мне приходилось иногда встречать, я бы сказал, интеллигентных людей, с довольно широко умственным кругозором и острой любознательностью.

А один из тувинских лам произвел на меня огромное впечатление своей богатой душевной жизнью, своими интересами, насквозь проникнутыми глубокой любовью к родной стране. Прежде всего меня поражало в нем его бескорыстие, отсутствие личной заинтересованности и свойственной нам суеты. Одна мысль о том, как бы помочь танну-тувинскому народу, наладить его жизнь, постоянно владела целостной душой старого ламы. В этом отношении он был изумительным „однолюбом“, служителем одной идеи. Это благородное однолюбие сочеталось в нем с национальным своеобразием, с глубоким знанием людей и внутренним сродством с жизнью скотоводческого народа, обитающего на берегах голубой реки.

Проплывая мимо устьев Темирсука и Серлика (Иликема), нельзя не вспомнить, что в вершине Темирсука находится гора Бура,* с которой связывается тувинская вариация кочующего мифа о всемирном потопе. Гора Бура—это тувинский Арарат. Еще не так давно тувинцы уверяли, что на вершине Буры лежит железный плот (темирсал), вернее плот, скрепленный железом.

* Бура=верблюд—самец.

Легенда рассказывает, что, когда случился потоп, то один праведный человек, построив железный плот, спасся на нем от гибели вместе с женой и единственным сыном. Долго носило их по бушующему морю, и, наконец, увидели они кусочек суши. Это и была вершина Буры. Когда плот поднялось к вершине, отец, не рассчитав расстояния, отделившего плот от берега, хотел было прыгнуть на землю, чтобы привязать плот. Но оступился, попал в воду и утонул. Спаслись только мать и сын. Спала вода. Земля снова стала цветущей. И только не было людей. Тогда мать и сын решили жить, как муж и жена. У них стали рождаться дети. Но дети были слабые и хилые — совсем не такие, какими были люди до потопа. От них и произошел и тувинский народ.

Проплываем мимо Или-кема, Темирсука, где добывалось золото в 70—80-х годах прошлого столетия, а также в 1909—1913 г. г. За Или-кемом в Енисей впадает Кули-кем. Его долиной проложена верховая тропа в с. Усинское *). Тропа эта идет крутыми проторами, является мало проезжей и даже опасной.

За Кули-кемом с левой стороны в Енисей впадает р. Чакуль. При устье медлительного Чакуля расположено было несколько русских факторий. В 1919 г., во время восстания на Кемчике, фактории эти были сожжены, но географическое положение Чакуля обеспечивает ему и в будущем крупное торговое значение. Чакуль лежит на пересечении нескольких дорог. По долине р. Чакуля на юг идет дорога в Монголию (в Уланкомский район). С востока к Чакулю подходит колесная дорога от Хем-Бельдыра. На запад от Чакуля эта дорога продолжается прекрасной, в древние времена построенной дорогой в долину Кемчика. Наконец, Чакуль является крупнейшим перевалочным пунктом для погрузки на плоты, идущие в Минусинск (в пределы СССР), кож, шерсти и других продуктов, которые получают из Шагонарско-Чакульского, а также Кемчикского районов. Сюда же возможен подвоз кожевного сырья, овечьей и верблюжьей шерсти из зарубежного Уланкомского округа Монголии.

В будущем, при организации пароходства на Верхнем Енисее, Чакуль несомненно сделается крупной пристанью. В конце нашего путешествия по Танну-Туве мы снова вернемся на Чакуль для посадки на плот, а пока предпримем путешествие на Кемчик.

---

*) См. выше стр. 6.

8. На Кемчик.

Подплывая к Чакулю, мы уже попали в район, наиболее густо населенный тувинцами. Из шестидесяти тысяч туземного населения, тридцать пять сосредоточено в этой западной части Танну-Тувинской республики. Сосредоточение туземного населения именно в этой части края вызывается тем обстоятельством, что наиболее привольные пастбища и пашни раскинулись в долинах Шагонара, Чакуля и, главным образом, Кемчика с притоками. Очевидно, и в древние времена этот район был густо заселен; здесь же имели свою ставку и Алтын-Ханы, правители Кемчика и Кема, т. е. В. Енисея (XVI—XVII вв.).

Потерю Кемчиком былой гегемонии над Урянхаем следует, пожалуй, объяснить сравнительной отдаленностью его от новых центров Монголии — Улясутая и Урги. Правители восточных, более бедных и слабых хошунов в XIX веке сумели не только стать самостоятельными правителями, но один из них — ойнарский нойон — получил даже приоритет и звание амбана. Едва ли приоритет ойнарцев был продолжителен. Мы знаем, что уже в самом начале XX века кемчикский нойон приобретает полную от амбана независимость, и только вмешательство царской России на некоторое время дает ойнарскому амбану призрак единой власти над Урянхаем. *)

Но как бы то ни было, мы все же должны помнить, что западная часть Урянхая является наиболее мощным районом в хозяйственном отношении. Главнейшая масса туземного населения сосредоточена в благодатной долине Кемчика.

От Чакуля до Кемчика дорога проходит гористой степью, почти лишенной воды. На восьмидесятиверстном пути есть лишь одно место, где можно найти воду, — приблизительно на половине дороги протекает река Ак-Кем (приток Чакуля).

*) Примечание: до переворота Урянхайский край разделялся на 6 хошунов: 1) Тоджинский — 4 сумо, 4000 человек (бассейн Бей-кема до р. Ута). 2) Мады-Чады — 2 сумо, 2000 человек (по Бей-Кему и правому берегу Улу-хема); 3) Сальджакский — 4 сумо, 6.5000 человек (по Ха-Кему), 4) Ойнарский — 4 сумо, 83000 человек (по левому берегу Улу-хема и по обоим склонам Танну-ольского хребта), 5) семнадцать оттоков — 17 сумо (Бейсе Хошу по Шагонуру, Чакулю к Кемчику) и 6) Кемчикский — 10 сумо (по Кемчику). В обоих кемчикских хошунах насчитывалось 35 000 человек. Хошуны управлялись наследственными князьями-нойонами, из которых правитель ойнарского хошуна номинально считался главою всего края и носил титул амбань-нойона. Амбань-нойон нередко кочевал за хребтом Танну-Ола.

По Ак-кему кочуют тувинцы одного из кемчикских сумонов, и вода Ак-Кема орошает их поля, засеянные большей частью просом или ячменем. Вода в этой степи особенно драгоценна. Я помню, как мне пришлось ехать из Кемчика в жаркий июльский день. Мы достигли Ак-Кема в обеденное время. Распрягли лошадей и сами рассчитывали выпить чаю. Но каково же было наше огорчение, когда мы увидели, что проточной воды в русле Ак-Кема нет, и только в одном месте стоит грязная лужа воды. В этой луже топталось изнывавшее от зноя стадо овец. Делать было нечего. Наполнили грязной водой чайник, вскипятили.

Пробовали пить липкую отвратительную жидкость. Не смотря на жажду, воду все же пришлось вылить. Так, не утолив жажды, двинулись дальше. И как же нам было досадно, когда мы, тронувшись в путь, в полуверсте от стоянки пересекли арык, в котором журчала свежая, прозрачная вода.

От Чакуля до Кемчика (как только дорога вступает в холмистую местность за дельтою Чакуля) на всем протяжении проложена древняя, хорошо укатанная дорога, сбоку которой прорыта сохранившаяся местами до наших дней канава. Солидность сооружения, называемого „Чингисхановой дорогой“, невольно заставляет задуматься над прошлым танну-тувинского народа.

Дорога от Чакуля на Кемчик пересекает один из горных отрогов, идущих от Танну-Олы к северу. Отроги эти доходят до Кемчика и загромождают нижнее его течение (верст на 70) непроходимыми порогами. Восточная гряда эта отделяет Кемчикскую котловину от Улу-хемской. Долина среднего Кемчика со всех сторон обставлена горами—с запада она ограничена Сайлюгемом, с юга хребтом Танну-Ола, с севера Саянами. Нижний Кемчик мчитя в тесном коридоре, где нередко встречаются мрачные утесы, „не видящие солнца“ („хунь-курбес“). На затененных мрачных скалах нередко можно увидеть каменного козла.

Укрытая горами от холодных ветров, Кемчикская долина (в среднем течении реки) представляет собой наиболее благоприятную в климатическом отношении часть Танну-Тувь. Сильнее, чем какая-либо другая часть засаянской котловины, прогревается степная долина Кемчика лучами солнца. Кемчик и его притоки прорезают цветущую степь и дают ей вполне достаточное количество живительной влаги.

Там и сям зеленеют тополевы опушки и роши лиственниц. Там же, где нет влаги, растительность принимает резко выраженный характер сухой степи, и повсюду встречаются

синевато-зеленые заросли пикулек (*Juris sibirica*), а по увалам белеют султаны седого ковыля.

Жители Кемчика наряду с скотоводством занимаются обработкой своих полей. Правда, и здесь большинство пашен обработано крайне примитивно. Нередко хлеб, благодаря плохой обработке почвы, не родится. Но все же следует отметить, что именно здесь, в Кемчикском районе, в последние годы перед революцией можно было наблюдать у тувинцев повышенный интерес не только к русским плугам, но и к более сложным орудиям: к сенокосилкам, жаткам, веялкам и т. д. Известны случаи, когда сложные земледельческие машины приобретались на Кемчике зажиточными тувинцами совместно с русскими владельцами факторий на паевых началах. Туземное население на Кемчике живет так густо (с точки зрения скотоводческого хозяйства), что улусы расположены друг от друга на весьма незначительном расстоянии, и пастбища иной раз до-гола вытаптываются многочисленными стадами.

До 1919 года по Кемчику было разбросано до 80 русских факторий с населением в 714 человек.

Правда, посевы русских колонистов на Кемчике были незначительны (212 дес. в 1918 г.), но зато количество рогатого скота, принадлежавшего русским поселенцам на Кемчике, достигало значительной цифры в 2342 головы, а овец и коз числилось там свыше 1000. Главным же занятием русских на Кемчике была торговля с тувинцами.

Для торговцев Кемчинский район, как наиболее густо заселенный, представлял наибольший интерес. Здесь же на Кемчике в свое время (до 1912 года) была сосредоточена большая часть торговли китайских купцов, и Кемчик долгое время был ареной соперничества. Китайская революция до 1912 года подорвала торговлю китайцев. Китайские купцы, раздражившие население долговой кабалой, были изгнаны, а их фактории и товар разграблены. Но еще более жестокая участь постигла русских на Кемчике. Спустя семь лет (когда разразилась русская революция), на Кемчике вспыхнуло восстание. Русские поселенцы Кемчика были не только изгнаны отсюда, но многие были перебиты. Русские фактории обращены были в груды пепла.

Так торговое соперничество окончилось поражением обеих сторон. Танну-тувинцы образовали ныне самостоятельную республику и стараются сохранить не только политическую, но и экономическую независимость от соседей.

9. Прошлое Танну-Тувы.

С Кемчика нам предстоит возвратиться на Чакуль, чтобы там вновь погрузиться на плот и пуститься по Енисею до Минусинска. Речь о значении этого водного пути и его перспективах будет впереди.

А куда, на обратном пути, проезжая степными горами с Кемчика на Чакуль, древней шоссейной дорогой, мы считаем уместным рассказать немного о прошлом Танну-Тувинской республики за последние триста лет.

Отсылая читателя, который заинтересуется более подробно прошлыми судьбами страны, к моим статьям: „Урянхайский край до начала XX века“ и „Царская Россия и Урянхай“, напечатанным в журнале „Новый Восток“ (Издание Всесоюзной Ассоциации Востоковедения, № 3 (за 1923 г.) и № 16-17 (за 1927 г.), я считаю возможным здесь лишь вкратце сообщить факты, необходимые для понимания современных взаимоотношений Танну-Туввы и СССР.

Впервые на территорию Танну-Туввы русские служилые люди проникли в 1616 году, в качестве дипломатов, отправленных тоскими воеводами для переговоров и заключения договора с мунгальским владельцем Алтын-Ханом.

В половине XVIII века один из Алтын-Ханов *), поставленный в весьма трудное положение распри внутри Монголии, даже „жертвовал“ (присягал) на верность Московскому государю. Но малочисленность русских в Сибири не позволила им в те времена закрепить свое владычество в саянской котловине.

Полное незнание географии края и отсутствие сколь-нибудь достоверных карт в 1727 году явилось причиной невольного отказа России от притязаний на Урянхай. Дело в том, что по тексту Буринского трактата 1727 года за Россией должны были быть закреплены бассейны рек, текущих на север, а за Китаем—текущих на юг. Если бы русские знали географию Танну-Туввы, то они в силу этого договора должны были бы счесть верхнеенисейскую котловину своей территорией и выставить свои караулы по хребту Танну-Ола. Но на деле русские караулы и пограничные знаки были выставлены по Саянам. Китайские же караулы были расставлены по Танну-Ола. Таким образом, котловина Верхнего Енисея осталась „ничьей“ территорией.

*) Лоузан, или по русским актам—Лоджан.

Да никто таншу-тувинцами в то время и не интересовался. Мы уже знаем, как относились к Урянхаю китайские генералы. Не больше занимали судьбы Верхнего Енисея и русских чиновников.

Интерес к краю стал проявляться лишь во второй половине XIX века. С 60-х годов начинаются попытки русских купцов проникнуть в край и завести там оседлость. И хотя первые попытки кончились неудачей, но вскоре миролюбивые тувинцы вынуждены были уступить, и в край мало-помалу началось просачивание колонистов. Во многих местах возникли торговые фактории. Несколько позднее начинают проникать в Урянхай и представители крупных китайских фирм, ведущих торговлю с Монголией. Возбуждается соперничество. В 1912 году китайцы были изгнаны и из Урянхая, и из Монголии. Царская Россия, в целях захвата края и укрепления своего экономического влияния в Монголии, одновременно покровительствовала монголам в их борьбе с Китаем и в то же время спешила прибрать к рукам Урянхайский край, к тому времени уже населенный во многих местах не только купцами, но и крестьянами-земледельцами.

Захват этот был произведен при помощи умелого вмешательства в международное положение враждующих нойонов. 15 февраля 1912 года на имя усинского пограничного начальника было получено „сообщение урянхайских чиновников“ о том, что Халха (Внешняя Монголия) избавилась от „бесчеловечного“ управления китайцев и объявила свою независимость от Китая. Урянхи (тувинцы) избрали главою трех объединившихся хошунов Амбаня Гомбодорджи и постановили держаться буддийской религии, избрав себе единого духовного владыку. Самым значительным в этом сообщении было решение объявить Урянхай независимым „под покровительством и защитой Великого Российского Государства“. К заявлению прибавлялась просьба о немедленном занятии русскими войсками населенных пунктов Урянхая, так как урянхи опасались со стороны Пекина возмездия за самовольное изгнание китайцев.

Высшая чиновная знать, тяготея к Монголии, находилась тогда в оппозиции Амбань-Нойону-Гомбодорджи (руссофилу), лицо которого ясно проглядывает за этим „сообщением“ „чиновников таких-то“. Слабость, проявленная Амбанем в недавний момент отпадения кемчикских хошунов (Бейсе и Гуна), объединенных под властью умного и решительного Хайдупа, в интересующий нас период времени возбудила и в других урянхайских нойонах надежду сделаться при помощи

Монголии такими же независимыми от Амбана пойнонами, каким стал Кемчикский Хайдун.

В то время, как Амбань Гомбодорджи рассчитывал с помощью России вновь укрепить свое положение верховного правителя Урянхай—правители Тоджи и Сальджака, с помощью Монголии, надеялись стать самостоятельными от Амбань-Нойона.

В силу различных обстоятельств, русское правительство действовало нерешительно, отчего положение Амбана стало очень трудным.

Он вынужден был писать на имя заведующего пограничными делами Церерина о том, что „домогающиеся отделения от него, Амбана, правители Сальджака и Тоджи пред'явили в Урге на него, Гомбодорджи, разные небылицы, с просьбою из'ять их из его (Амбана) ведения“. Далее Гомбодорджи просит возможно скорее разрешить вопрос о том, „каким путем можно было бы разрешать в будущем смешанные дела двух сторон *) так, чтобы была обоюдная польза?“ (т. е. вопрос о протекторате).

Взаимные отношения между урянхайскими хошунами были усложнены еще тем обстоятельством, что население одного из урянхайских хошунов, а именно—хошуна 17 оттоков (Нижний Кемчик, Шагонар, Чакуль) находилось в личной крепостной зависимости у пограничного монгольского князя Бейсе Сандыкдорджи.

Политика русского комиссара по отношению к Бейсе-хошуну не могла остаться без возражений со стороны монгольской администрации.

„Командующий войсками для охраны западной границы и приграничных аймаков“ Хатан-Батор-Бейсе по поводу вмешательства русских в дела хошуна, населенного „коренными рабами князя Сандыкдорджи“, запрашивал, примерно, в таких выражениях: „Почему из Управления Почтенного Консула так отчаянно возбудили вопрос, равный завладению чужими подданными?“

По истечении полутора лет после первого прошения о покровительстве России над Урянхаем, поданного по инициативе и под давлением Амбана Гомбодорджи, поступил ряд новых прошений. Одно из них было от главного духовного наставника всего урянхайского населения реки Кемчика, Хамбо-Ламы Чжамцо, родного брата покойного пойна Хайдун („прямого потомка правителей танну-урянхов, живущих

---

*) Русских и урянхов.

по Кемчику“). В прошении этом указывалось, что просить о покровительстве России тувинцев побуждают следующие обстоятельства:

1) Обременительные требования монголов к урянкам за последние годы значительно возросли, благодаря неравномерному распределению повинностей.

2) Родовой правитель Гун-нойон-Баян-баторху подвергается со стороны монголов различным стеснениям.

3) Проезжающие монголы-чиновники чинят насилия урянкам.

4) Русское население (говорит Хамбо-Лама) смешалось с туземным, и материальные интересы их тесно переплелись между собой.

5) Объявление Церерина о том, что Россия имеет исторические права на Урянхай.

На основании всех вышеизложенных соображений, таншу-урянхайцы, по словам Хамбо-Ламы, пришли к убеждению, что для них всего лучше будет „благоговейно преклониться“ перед покровительством и защитой России.

„Преклоняясь Российскому покровительству“, урянхи просили: 1) оставить им право распространять желтую религию на территории хошунов; 2) сохранять все прочие установления, которые не служат чему-либо препятствием; 3) избавить урянхов от воинской повинности.

Помимо вышеизложенных просьб, урянхи просили сохранить: 1) должности чиновников, 2) наивысшие чины, 3) шапки и перо на шапках, 4) формы головного убора и одежды, 5) право ношения косы, 6) древний кочевой образ жизни и 7) не разрешать большого наплыва русских.

Месяцем—двумя позднее (в ноябре 1913 г.) были поданы два прошения о покровительстве со стороны России от имени Гуна Нойона, правителя верхнего Кемчикского хошуна, и от правителей хошуна Бейсе.

„Около трехсот лет тому назад (в 1616 году), при первом русском царе из царства рода Романовых Михаиле Феодоровиче, предки наши“—говорилось в прошении—„присягали на подданство России через первого русского посланца в этом крае—Василия Туманца, и с того времени покровительство императоров из дома Романовых урянхайскому народу продолжалось в течение более 60 лет (?). Но после этого покровительство России урянкам почему-то (?) прекратилось, и наш маленький народ... постепенно и незаконно

подпал под влияние императоров Манчжурской династии, принявши китайское подданство. Такова истинная история нашего народа“.

„Ныне, с упразднением в Китае Манчжурской династии и с провозглашением Монголии своей независимости, я и мой хошун остались без покровительства, а существовать самостоятельно мы, урянхи, в виду нашей малочисленности, попрежнему не можем, а потому я и мои духовные и светские чиновники и весь народ, после тщательного и продолжительного обсуждения создавшегося положения, единодушно решили просить Великого Чаган-Хана принять весь хошун под свою высокую державную руку и покровительство, оставив нам, если это будет признано возможным, те немногие особенности нашего быта, которые изложены в особом отдельном списке“ (Прошение. Гуна Баян-баторху* подано в октябре 1913 года).

Аналогично по содержанию и другое прошение урянхов Бейсе-хошуна, в котором для нас лишь весьма любопытно отметить, что в нем указан 1727 год, как год присоединения Урянхай к Монголии (вот она ошибка Буринского размежевания!)*) и начало владения их хошуном олетским князем Бейсе. В это время правители двух восточных хошунов — Бальжиняма и Томут — продолжали упорно заявлять о своем намерении жить по-прежнему. Через них было передано монгольское сообщение, смутившее урянхов, о том, что во время поездки монгольских сановников в Россию, там ничего не говорилось о протекторате России над Урянхаем, и „подобное дело“ могло быть „подстроено только одним Гомбодорджи, заведующим урянхами-танну, а Усинским консулом Сайтом Церериним было поддержано“.

Прошло два года со дня подачи первого прошения о покровительстве (с 15 фев. 1912 г.), а русское правительство, вынудив урянхов на подачу прошения, медлило с окончательным ответом и давало урянхам слишком много поводов тревожиться за свою судьбу. Новогоднее письмо Хамбо-Ламы (от 15 февраля 1914 г.) сообщает о приезде в Урянхай монгольских чиновников, грозящих урянхам вторжением монгольских войск.

И вот, наконец, в июне 1914 года иркутский генерал-губернатор Л. М. Князев сообщает Церерину, что Урянхайский край принят под покровительство России. Из факта протектората вытекает ряд обязательств со стороны урян-

* Баян-Баторху ныне является одним из крупнейших национальных деятелей Танну-Тувы.

хов: 1) не иметь сношений с иностранцами, в том числе и с монголами и 2) все международные затруднения подвергать на разрешение Российского уполномоченного.

На другой же день по объявлении протектората, Церериным было предписано Амбань-Нойону „немедленно восстановить его амбаньскую власть над Салъджакским и Тоджинским хошунами“. В случае неисполнения со стороны названных правителей, предлагалось сместить их и заменить другими, при чем Церерин обещал Амбаню необходимую помощь.

Принятые же под покровительство России правители хошунов, принеся подписку о соблюдении вышеуказанных ограничений, обратились к Церерину с ходатайством о нижеследующем:

1) Запретить открытие кредита одиноким несостоятельным людям и снять ответственность за неоплатных должников с населения сумонов и хошунов.

2) Объявить русским подданным, чтобы они при возведении построек обращались за разрешением к туземным чиновникам.

3) Прекратить наплыв переселенцев, запретить огораживание пастбищ и возведение дальнейших построек.

4) Оставить туземному населению обычаи, религию, самоуправление, уклад жизни и родовые кочевья, не допуская изменений.

5) Восстановить и закрепить пограничные знаки.

6) Перенести резиденцию комиссара внутрь края.

7) Содействовать аресту и задержанию преступных лиц.

8) Судить уголовных преступников по русским законам.

9) Разрешить вопрос о долгах с умерших лиц.

10) Разрешить нойонам поездку в Петербург для поклонения и выражения верноподданнических чувств.

Далее возвещалось о молебствиях „в пятнадцати монастырях Кемчикского района“, о „вознесении молитв боже-ству Цаган-Дара, произнесенных в количестве десяти тысяч раз“ и о „преклонении в сторону трона с клятвою не иметь сношений с монголами и подвергать международные трения на усмотрение представителя русской власти“.

Но отсутствие какой-либо реальной силы в распоряжении заведывающего пограничными делами привело к тому, что и после объявления протектората урянхи не могли быть уверенными в завтрашнем дне. Нерешительность действий русского Сайта была для них более чем очевидной.

Злосчастный Амбань писал Церерину: „В настоящее время выясняется, что Россия не только не оказала покровительства урянхам, но... в результате, из сорока слишком сумонов у меня осталось лишь три сумона“.

И Амбань прямо ставит вопрос: „может ли в действительности Россия оказать покровительство всем урянхам?“

„Русские войска“, которые „пребывали“ в крае, в то время состояли из полусотни казаков, посланных из Кобдо.

Положение дел было, действительно, затрудненным и волнующим, хотя в крае сохранялось полное спокойствие.

А тем временем один из монгольских гыгелов (Чжалхандзы-Хутухта) не унимался и писал так к Амбаню Гомбодорджи: „Создавая вопрос, в котором Россия бестравна (что подкреплялось в письме ссылкой на историю урянхов), Ухерида Амбань не придает значение своему сану, не считается с древним родословием, не уважает святую религию и получит за это лишь одно страдание“.

Нарушение Амбанем своего долга, — по мнению Хутухты, привело к тому, что хошуны Сальджак и Тоджа, а также Соенсумон от него отпали.

„Между нашими двумя правительствами (русским и монгольским), — пишет Хутухта, — никаких нет переговоров о передаче той или другой стороне урянхов... и такой большой вопрос не подлежит компетенции Ухериды Гомбодорджи и русского чиновника Церерина, проживающего на границе. Их действия являются призрачными, легкомысленными и движения дальше собственных особ не имеют“.

Однако, ургинское правительство хотя отчасти и сочувствовало деятельности своего гыгена (Джалхандзы-Хутухты), но не одобряло его открытых выступлений.

До сведения урянхов было доведено, что монголы не решились поднять вопрос об Урянхайском крае на Кяхтинском совещании.

Дело близилось к окончательному торжеству русского протектората. 15 сентября 1915 года было подано прошение Салаяджакского хошуна о принятии в подданство России.

„В свое же время“, — говорится в прошении, — смущение и растерянность наши были столь велики, что с нас собрали тяжелый албан, сданный Джалхандзы-Хутухте“.

Впредь саяджаки обещали бесповоротно считать себя подданными русского государя.

Вскоре и Тоджинский хошун (последний) был вынужден последовать общему решению.

Протекторат России был объявлен над всеми Танну-уряихайскими хошунами, чем и закончилась первая благоприятная для России фаза интересующего нас вопроса.

Монгольское правительство открыто стало разъяснять уряихам, что не притязает на завладение Уряихаем.

В 1915 г. Россия фактически овладела Уряихайским краем, исподволь освоившим интенсивным проникновением в край русских переселенцев.

Так продолжалось до 1918 года. Вести о русской революции заставили прислушаться к ним внимательно всех тех, кто был недоволен вторжением русских чиновников в дела хошунов, а также наплывом переселенцев в край. Советская власть в крае пошла навстречу сторонникам политической независимости Уряихая. Хошунным управлениям были возвращены родовые печати, отобранные у них при объявлении протектората. Падение первой советской власти (в 1918 г.) повлекло за собою новую попытку утвердить власть России над котловиною Верхнего Енисея. В ответ на это на Кемчике вспыхнуло восстание. Русские фактории были сожжены дотла, население было частью изгнано, частью перебито восставшими тувинцами. Из-за хребта на Уряихай двинулись монгольские отряды. На Кемчике появился китайский комиссар Ян-Ши-Чао. В это же время в Уряихай с севера вступили партизанские отряды Кравченко и Щетинкина. Представители колчаковского правительства вынуждены были бежать. Новый поход колчаковцев на Уряихай окончился неудачей. Белые отряды были разбиты партизанами под Хем-Бельдыром. Но и партизанские отряды Щетинкина, преследуя отступающего противника, ушли из края, предоставив тувинцев и русских колонистов собственной участи.

Новое утверждение советской власти и вступление частей Красной Армии привело к объявлению Уряихая независимой Танну-Тувинской республикой.

Ныне вся полнота власти принадлежит народному собранию Танну-Тувы—Великому Хурулдану. Для текущего управления Великим Хурулданом избирается Малый Хурулдан и совет министров. Выработана особая конституция, установившая основы республиканского строя в засаянской республике—Танну-Тува. Маленький народ, обитающий в бассейне го-

лубой реки—Верхнего Енисея—строит свое собственное независимое государство при ближайшем содействии СССР.

Русское население Танну-Тувы, составляющее пятую часть всего населения (20%), организовано в самостоятельную трудовую колонию. Главным органом власти является исполком колонии.

Столицей и местонахождением центральных учреждений, тувинских и русских, является Хем-Бельдыр (по русски г. Красный, до революции называвшийся Белоцарском), при слиянии Бей-Кема с Ха-Кемом.

Конституция Танну-Тувинской республики, утвержденная Великим Хурулданом в ноябре 1926 года.

Раздел I.

ВВЕДЕНИЕ.

В древние времена из среды отдельных человеческих групп и племен выдвигались наиболее способные и передовые личности, как руководители этих групп и племен, которые постепенно становились самодержавными властителями малых и великих народов мира. Их господство держалось на рабском угнетении и эксплуатации сотен миллионов трудящихся масс отдельных стран.

За последние десятилетия быстрым темпом развивается революционное движение во всех странах мира, направленное против гнета и эксплуатации правящих классов...

Наиболее героическим примером этой борьбы является великая Октябрьская революция, освободившая рабочих и крестьян России от гнета самодержавия и господства буржуазии и помещиков.

Великой победой трудящихся масс России были воодушевлены не только рабочие и крестьяне передовых капиталистических стран Запада, но и угнетенные народы Востока.

Тувинский народ, находившийся в течение ряда столетий под гнетом и эксплуатацией внешних и внутренних поработителей, в 1921 году, создаст власть трудового народа в лице народного правительства.

Четвертый Великий Хурулдаи Тувинской народной республики во время закрепления завоевания национальной революции, укрепления существующего политического строя страны и сообразуясь с интересами широких слоев населения, утверждает следующий основной закон Тувинской народной республики.

Раздел II.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ТРУДЯЩЕГОСЯ НАРОДА.

1. Отныне наша страна объявляется самостоятельной Тувинской народной республикой. Верховная власть народа осуществляется через Великий Хурулдаи республики и избираемое им правительство.

2. Основная задача Туви́нской народно́й респу́блики сводится к укреплению основ республиканского строя в стране, при полной демократизации государственных аппаратов и всемерном привлечении в него широких слоев трудящихся масс.

3. Следуя высочайшим принципам народного строя и в целях его укрепления, Четвертый Великий Хурулда́н Туви́нской народно́й респу́блики обнародывает следующие основные начала:

а) Вся земля и ее недра, леса, воды и их богатства народно́й респу́блики объявляются общенародным достоянием.

б) Все долговые обязательства, совершенные до образования народно́го правительствa, т. е. до 1921 г., аннулируются, как кабальные лежащие на народное хозяйство населения. Платежи по этим обязательствам категорически воспрещаются.

в) Сосредоточивается в руках государства единая хозяйственная политика страны, а также по мере возможности вводится государственная монополия внешней торговли, как орудие экономического закрепления существующего политического строя респу́блики.

г) В интересах обеспечения всей полноты и власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности реставрации власти внешних поработителей и внутренних эксплуататоров,—подтверждается вооружение трудящихся путем образования народно-революционной армии.

д) В целях обеспечения за трудящимися свободы совести —церковь отделена от государства, и религия объявляется частным делом каждого гражданина.

е) В целях обеспечения за трудящимися действительного доступа к знанию, Туви́нская народная респу́блика ставит своей задачей организацию для аратов полного, всестороннего и бесплатного образования.

ж) Исходя из интересов трудящихся масс, Туви́нская народная респу́блика в своей внешней политике стремится установить тесный контакт и дружественную связь со всеми малыми народами и правительством восточных стран.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

КОНСТРУКЦИЯ ВЕРХОВНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ.

4. Верховная власть Туви́нской народно́й респу́блики принадлежит Великому Хурулда́ну респу́блики, а между его сессиями—Малому Хурулда́ну, а между сессиями Малого Хурулда́на —его президиуму и правительству.

5. Утверждение и изменение основных законов респу́блики подлежат некавалитетному ведению Велико́го Хурулда́на респу́блики.

О ВЕЛИКОМ ХУРУЛДА́НЕ.

6. Великий Хурулда́н респу́блики составляется из представителей хошунов и сумонов, а также воинских частей, при чем количество делегатов распределяется пропорционально населению избирательных округов и депутаты избираются сроком на один год.

Примечание 1. В случае если по каким либо причинам хошунные съезды не состоятся, то посылаются представители от сумонов.

Примечание 2. Порядок выборов в Великий Хурулда́н происходит на основании положения о выборах в Великий Хурулда́н.

7. Очередные сессии Великого Хурулдана собираются по решению Малого Хурулдана—один раз в год. Чрезвычайные сессии Великого Хурулдана могут собираться либо по почину Малого Хурулдана, или по требованию одной трети членов Великого Хурулдана, или по требованию избирателей от хошунов, насчитывающих одну треть населения республики.

8. Великий Хурудан избирает Малый Хурудан, который всецело ответственен перед Великим Хуруданом республики.

О МАЛОМ ХУРУЛДАНЕ.

9. Малый Хурудан республики издает законы, постановления и распоряжения, дает общее направление деятельности правительства и наблюдает за проведением в жизнь основных законов республики и постановлений сессий Великого Хурулдана.

10. Малый Хурудан республики собирается не менее двух раз в год. Чрезвычайные сессии Малого Хурулдана составляются по решению президента Малого Хурулдана, по предложению правительства или по требованию одной трети членов Малого Хурулдана.

О ПРАВИТЕЛЬСТВЕ.

11. Правительству принадлежит общее руководство деятельностью всех министерств и общее управление делами республики.

В состав правительства входит: председатель правительства, заместитель председателя, министры внутренних и иностранных дел, финансов и юстиции.

12. Правительство в своей работе руководствуется основными законами республики и решениями Великих и Малых Хурулданов.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ.

13. Съезды местных самоуправлений (хошунов, сумонгов, баков и десятидворов) образуются на основании положения (закона) о местном самоуправлении. Для текущей административно-хозяйственной работы съезды местных самоуправлений избирают из своей среды исполнительные органы местной власти («нутугун закирога»); хошуновые и сомонные управления, багекле и десятидворные дарга (старост) сроком на один год.

14. Съезды местных самоуправлений и избираемые исполнительные органы руководствуются правами и обязанностями, изложенными в законе о местных самоуправлениях.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ОБ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВАХ ГРАЖДАН.

15. Правом избрать и быть избранными в Великие и Малые Хурулданы, а также в местные самоуправления пользуются следующие категории граждан республики обоего пола (мужчины и женщины), достигшие ко дню выборов 18 летнего возраста: а) добывающие средства существования своим трудом, а также лица, занятые своим трудовым хозяйством и б) члены народно-революционной армии.

16. Не избираются и не могут быть избранными:

- а) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными и умалишенными;
- б) ламы (духовенство), постоянно живущие при монастырях;
- в) лица, осужденные судом за корыстные и порочащие преступления.

17. Производство выборов, проверка и пр. имеет место на основании специального закона о выборах.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О БЮДЖЕТНОМ ПРАВЕ.

18. Государственные доходы и расходы республики объединяются в общегосударственный бюджет, который утверждается Великим Хурулданом, в исключительных случаях—Малым Хурулданом.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПЕЧАТИ, ГЕРБЕ И ФЛАГЕ.

19. Печати Великого Хурулдана, правительства, министерства и других учреждений должны быть четырехугольной формы: в середине лицевой стороны печати вырезываются «Хорло», а внутри «Хорло» земной шар в лучах солнца, а вверху должны быть сеги и грабли, окруженные венцом из колосьев; по обеим сторонам—название соответствующего учреждения.

20. Государственный герб стоит из указанного в п. 19 изображения.

21. Государственный флаг должен быть красного цвета с государственным гербом в середине.

22. Сессия Великого и Малого Хурулдана созывается в Кызыле (Хем-Бельдире).

Настоящая конституция утверждена в 5 ч. 43 мин. вечера 24 числа 11 луны 6 года по тувинскому летоисчислению (24 ноября 1926 года) на заседании Четвертого Великого Хурулдана Тувинской народной республики.

**Президиум Четвертого Великого Хурулдана
Тувинской народной республики**

10. Водный путь в СССР.

С Кемчика мы снова возвратимся на Чакуль и там сядем снова на плот. Уже от Чакуля видно, что Енисей верст семь-восемь ниже Чакуля вступает в тесное ущелье. Ущелье это образуется тем самым кряжем, который в более низкой своей части пересекается пологим перевалом колесной дороги в долину среднего Кемчика. Горы носят характер довольно мрачных, голых скал, нагроможденных над рекою, сжатой в тесную щель. Река сразу становится полноводнее,

голубой цвет воды ее меняется на темно-зеленый. Течение воды становится беспокойным. Чаще и чаще встречаются места, где бурлит и клокочет белая пена.

Верет тринадцать ниже Чакуля, в узкой теснине в Енисей вливается стремительный Кемчик. На правом его берегу, на высокой острокопечной вершине можно было видеть деревянный крест: это пограничный знак Бом-Кемчик.

Здесь мы покидаем пределы Танну-Тувы и вступаем в пределы СССР. Ниже Кемчика Енисей продолжает течь до устья реки Уса в каменистых теснинах, почти лишенных древесной растительности. И только ниже устья реки Уса Енисей вступает в область Саян, покрытых густой шкурой тайги.

Прорываясь через Саяны, Енисей образует ряд порогов. Наиболее эффектен спуск плота через Большой порог. За несколько верст уже слышен шум порога. Затем течение реки становится более плавным, благодаря естественной запруде, образованной каменной грядой, нагроможденной с правой стороны бурным Казыр-Суком. Камни сжимают Енисей, и могучая река прорывается сквозь узкую теснину, благодаря чему вода идет здесь большим валом. Искусство лоцмана состоит в том, чтобы заранее направить плот в струю, так как управлять плотом в самом пороге невозможно, гребцы вынимают из воды, и гребцы вскакивают на возвышение „балагана“, чтобы не смыло волной. Большой порог непроходим для пароходов. Но все остальные пороги на Енисее являются после расчистки вполне проходными, и надо думать, что организация судоходства по Верхнему Енисею с перегрузкой на Большом пороге—не за горами... *)

На установление пароходного сообщения с Танну-Тувой следует обратить особое внимание. Путь в Монголию через Танну-Туву из СССР едва ли не наиболее легкий и дешевый. Благодаря легкости перевалов, через хребет Танну-Ола легко устроить колесные тракты: 1) Хем-Бельдыр Улясутай и 2) Чакуль—Уланком. Устройство этих трактов связало бы крупные торговые центры Монголии с пристанями на судоходном Енисее. Тогда продукты скотоводства Центральной Азии получат сравнительно дешевый выход на мировой рынок. До пристаней на Енисее из Монголии в среднем будет от 200 до 500 верст, а затем товары могут быть погружены на

*) Верхний же Енисей (Улукем и Бейкем до устья Уюка) вполне пригоден для пароходства. Возможно также плавание небольших паровых судов по Малому Енисею до порога-водопада (верст на 120 от устья), Кемчик, Сисыткем и Хамсара для судоходства непригодны.

пароходы и с перегрузкой на Большом пороге будут доставляться водой к устьям Енисея, а оттуда Северным морским путем в Лондон. Таким образом, Танну-Тувинская республика представляет для нас интерес не только по своим искусственным богатствам, но и как наиболее удачный транзитный путь для сношений со всей Центральной Азией.

Небольшая моя книжка о Танну-Тувинской республике имела целью дать лишь ряд впечатлений о стране голубой реки и возбудить к ней интерес. Для тех же, кто хочет подробнее с нею познакомиться, я считаю необходимым привести список литературы:

1. **Родевич В. М.**—Очерк Урянхайского края.
2. **Его-же.**—Урянхайский край и его обитатели. Изв. Рус. Географ. О-ва (Изв. РГО) т. XI. VIII. 1912 г.
3. **Адрианов А. В.**—Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. Изв. РГО по общей географии т. XI. 1881.
4. **Потанин Г. Н.**—Очерки Северо-Западной Монголии (1879-1880) вып. III. СПб. 1883 г.
6. **Африканов А. М.**—Русская торговля в Урянхайской земле. Урянхайская земля и ее обитатели. Изв. Вост. Сиб. Отд. РГО. XXI.
6. **Островских П. Е.**—Значение Урянхайской земли для Южной Сибири. Изв. РГО. т. 35. 1899 г. вып. III.
7. **Крылов П. Н.**—Путевые заметки об Урянхайской земле. Зап. РГО по общей географии т. 34, № 2, СПб. 1903.
8. **Полов В. Л.**—Через Саяны и Монголию. Омск. 1905.
9. **Каррутерс Д.**—Неведомая Монголия (Урянхайский Край) СПб. 1914.
10. **Грум-Гржимайло Г. Е.**—Западная Монголия и Урянхайский край, т. I, СПб. 1914. (описание природы этих стран).
11. **Булгаков А. И.**—Верховья реки Енисея в Урянхае и Саянских горах. Изв. РГО. т. 44. 1908.
12. **Ермолаев А. П.**—Урянхайский край. Минусинск. 1918.
13. **Леонов Н. И.**—Урянхайский край до начала XIX века. (Изв. В. Н. А. В. „Новый Восток“ № 3. 1923 г.
14. **Львов А. К.**—Современный Урянхай („Новый Восток“ № 6. 1925).
15. **Обручев В. А.**—Естественные богатства Танну-Тувинской Республики. („Новый Восток“ № 13-14).

В журнале „Северная Азия“ помещены статьи:

- 1) **Кайский М.**—Урянхайский вопрос. 1926 г. кн. IV. стр. 16-25.
  - 2) **Сафьянов М. Г.**—Страна будущего (к вопросу о развитии добывающей промышленности в Танну-Тувинской Республике) 1926 г. V-VI. стр. 24-32.
  - 3) **Простосинский Б.**—Проблема путей сообщения из Сибири в Западную Монголию. 1926. кн. I. стр. 30-36.
  - 4) **Скабеев М.**—Промысловая охота в Урянхайском крае и ее особенности. 1925 г. V-VI стр. 115-122.
  - 5) **Попов В. Л.**—Саянская горная система. 1926. I. стр. 58—65.
-

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ
УРАЛА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА

„СЕВЕРНАЯ АЗИЯ“

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

1. **Вл. Виленский Сибиряков.** -- Борьба за Советскую Сибирь (Центросибирь) 1917--1918 г. Цена 20 к.
2. **Владимир Афанасьевич Обручев.** -- К сорокалетию научной деятельности. Цена 25 к.
3. **Л. Троцкий.** -- О Сибири. Цена 25 к.
4. **Н. И. Леонов.** -- Страна Голубой реки (Танну-Тува). Цена 60 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ В КОНТОРУ ЖУРНАЛА

„СЕВЕРНАЯ АЗИЯ“

Москва 19, Волхонка, 8.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

МОСКВА, Петровка, 7, Книжный магазин Из-ва Об-ва
Политкаторжан „Маяк“.

Телефоны: 3-63-20 и 4-18-12.

Цена 60 коп.

**3-й год
издания**

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

**3-й год
издания**

на 1927 год

НА ОБЩЕСТВЕННО - НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

„СЕВЕРНАЯ АЗИЯ“

издаваемый Обществом изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока, совместно с Комитетом Содействия Народностям Северных Окраин при Президиуме ВЦИК
и Главнаукой РСФСР

под общей редакц. В. Д. ВИЛЕНСКОГО-СИБИРЯКОВА

ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ:

проф. С. А. Бутурлина, Н. В. Здобнова, Ф. Я. Кона,
проф. П. П. Маслова, В. И. Николаева, проф. В. А. Обручева,
проф. В. Г. Тана-Богораза, А. Н. Черкунова,
проф. А. А. Ярилова и др.

**ЖУРНАЛ ПОСВЯЩЕН ВСЕСТОРОННЕМУ ИЗУЧЕНИЮ
ПРИРОДЫ, НАСЕЛЕНИЯ и ЭКОНОМИКИ
УРАЛА, СИБИРИ и ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**

В 1927 году „СЕВЕРНАЯ АЗИЯ“ будет выходить в увеличенном объеме и будет уделено большое внимание вопросам уральской, сибирской и дальневосточной общественности. Расширяются отделы истории Северной Азии и „Зарубежный Восток“.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА, с ДОСТАВКОЙ и ПЕРЕСЫЛКОЙ:

на 1 год (6 книг)—7 руб., на 1/2 года (3 книги)—4 руб.,
за границу на 50% дороже.

Цена отдельного номера 1 р. 50 к., двойного—2 р. 50к.

Комплекты „СЕВЕРНОЙ АЗИИ“ за { 1925 г. цена 7 р.
1926 г. цена 7 р.

ПОДПИСКУ и ПОДПИСНЫЕ СУММЫ АДРЕСОВАТЬ:

Москва, Волхонка, 8, в контору журн. „ С Е В Е Р Н А Я А З И Я “
Телеф. 1-22-68.

СКЛАД ИЗДАНИЯ: Москва, Петровка 7, книжный магазин „МАЯК“
Всесоюзного Общества Политкаторжан. Телеф. 3-63-20 и 4-18-12.